

Григорий Шаргородский

УКРОТИТЕЛЬ

ПОВОДЫРЬ ЧУДОВИЩ

Григорий Константинович Шаргородский Укротитель.

Поводырь чудовищ Серия «Укротитель», книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8588872
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»;*

Аннотация

О чем может мечтать сын известного циркового укротителя? Только о том, чтобы быть достойным славы отца и добиться еще большего. Но как это сделать? Проще простого: нужно лишь попасть в смертельную передрагу, которая закинет неопытного путешественника в другой мир. После этого суметь выжить в королевстве, где обычные люди живут рядом с нелюдьми, магами и магическими существами. А в довершение всего стать поводырем и наездником чудовищ, вид которых заставил бы умереть от страха самого свирепого льва.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	55
Глава 3	109
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Григорий Шаргородский Укротитель.

Поводырь чудовищ

Пролог

Каждый шаг в сжатом каменными стенами коридоре отзывался коротким эхом. Звук возникал и, пометавшись в замкнутом пространстве, умирал. Сердце в моей груди чувствовало себя точно так же. Адреналиновая атака каждую секунду грозила разорвать бедную мышцу, которой неосмотрительно доверили самую главную функцию в организме. Мне было действительно страшно. И это несмотря на то, что две мощные фигуры за спиной не являлись конвоирами, да и казнить меня никто не собирался. Просто мне предстояла встреча, которой я ждал и боялся.

Коридор освещали лишь редкие факелы, и появление в левой стене проема, забранного толстенной решеткой, я прозевал. В следующую секунду из мглы за решеткой возникла жуткая морда, оскалившаяся острыми и длинными клыками. Мощный удар заставил железные прутья содрогнуться, а вибрирующий рев отбросил меня на противоположную стену. От волнения и неожиданности нападения мое сознание

поплыло.

Вот будет номер, если грохнусь в обморок, словно девица. В следующую секунду я проснулся. Или очнулся?

Невообразимая какофония из звона сталкивающегося металла, рева и предсмертных криков ударила по ушам. Нос заполонили запахи крови, дыма, ярости и страха.

Покачнувшись, я с трудом встал на ноги и, покрепче сжав древко, шагнул вперед. На месте стоять было нельзя, потому что каждая секунда могла стоить мне жизни. Взгляд тут же зацепился за большую кучу из огромных кусков мяса, когда-то бывших живым существом. Вокруг неподвижно лежали или дергались в агонии десятки тел, но меня интересовали только те, что были погребены под сочившимися кровью кусками плоти. Пока что я мог рассмотреть лишь голову и одну руку, сжимающую длинный кнут.

Внезапно едва угадывающиеся в прорезях залитого кровью шлема глаза широко распахнулись, а сжимающие рукоять кнута пальцы сжались. Извивающаяся по залитой кровью земле и мертвым телам магическая «змея» внезапно засветилась мертвенным сиянием. Это сияние отразилось страхом в моей груди, и мне не оставалось ничего другого, как прыгнуть вперед, в безумной надежде успеть первым. Не отошедшее после падения тело отозвалось сильной болью... и в этот момент я очнулся.

Или проснулся?

Глава 1

Попаданец

– Э, зоофил, не спать, а то в костер упадешь.

– Га-га-га! – тут же отреагировали на тупую шутку несколько грубых голосов.

Я действительно уснул, прямо сидя у костра умудрившись увидеть сразу два видения, причем одно внутри другого. Поначалу даже казалось, что сон не закончился, но вечерняя прохлада и жар от костра подтвердили реальность происходящего.

Уф... И приснится же такое! Хотя обстановка способствовала самым бредовым кошмарам. Над головой нависали вековые деревья, и в свете костра они казались живыми монстрами из детских сказок.

Прошедший день оказался изматывающим, но мне все равно пришлось присоединиться к остальным на вечерних посиделках, ведь на костре готовился ужин, да и гордость не позволяла рухнуть и сразу уснуть. Впрочем, это не избавило мою персону от очередного «наезда».

– Понимаю ваше недовольство, Викентий Петрович. Увы, Дине вы не понравились, я бы тоже, наверно, расстроился, хотя никогда и не приставал к ней с пошлыми намеками.

Украшенный шрамами боец по прозвищу Винт тут же за-

лился краской, но отнюдь не смущения, а ярости. Казалось, он сейчас прыгнет через костер и убьет меня одним ударом своего огромного кулака. Иллюзий я не питал. Не скажу, что уродился слабосильным заморышем, но рядом с его огромной тушей смотрюсь мелкогато. Вечно мой язык доводит меня до беды.

– Винт, сядь и заткнись, – прозвучал голос одного из тех, кто секунду назад смеялся вместе с остальными.

Этот голос, да и тихое рычание Дины рядом со мной удержали наемника от немедленного убийства. Он сел обратно на длинную колоду, но, вместо того чтобы окатить меня яростным взглядом, лишь ехидно улыбнулся. И эта улыбочка мне не понравилась – такое впечатление, что он знает что-то неизвестное мне и это «что-то» тешит его уязвленное самолюбие.

Я же решил не накалять обстановку и перевел взгляд на пляшущие лепестки пламени.

Судьба – штука очень странная и непредсказуемая, но кто бы мог подумать, что я окажусь посреди брянских лесов в компании троих мордоворотов, чьи ухватки говорили о реальном боевом опыте и прохождении не одной горячей точки на нашей беспокойной планете? Даже не знаю, имею ли я право жаловаться на судьбу. По большому счету мне не приходилось голодать или унижаться перед сильными мира сего, но, с другой стороны, счастливой мою судьбу тоже не назовешь.

С рождения и до шестнадцати лет моя жизнь напоминала сказку, которой мог позавидовать любой ребенок, ведь родился я в цирке. Причем в прямом смысле — до роддома доехать не успели.

Двадцать шесть лет назад огромный как медведь укротитель львов и тигров влюбился в хрупкую гимнастку, и через год у них родился мальчик. Чем не сказка? Но, увы, счастливой эта сказка была только шесть лет. Ровно столько продлился цирковой брак. Гимнастка быстро поняла, что мировая известность не грозит ни ей, ни мужу, и, дождавшись нужного момента, исчезла с каким-то ходячим кошельком. Виню ли я ее в этом? Даже не знаю. Все детство очень страдал и ждал ее возвращения, затем винил, а сейчас все как-то перегорело. Даже в гибели отца виноват только он сам. Он столько держался и никогда не входил в клетку пьяным, а вот в семнадцатую годовщину их брака сорвался. Все закончилось быстро — хватило одного удара огромной лапой. Цезаря, конечно, усыпили, хотя вины благородного зверя в произошедшем не было.

Увы, отцовская группа мне не досталась — нашлась кандидатура получше. И это при том, что и отец, и директор цирка поражались моему умению находить общий язык с хищниками. В детстве я постоянно норовил залезть в клетку к отцу Цезаря, Ганнибалу. А этот зверь обладал весьма скверным характером. Я даже слышал, как директор предлагал отцу подумать о подготовке номера с моей головой в пасти льва.

Думаете, мне было страшно? Ничуть – почему-то до сих пор во мне живет уверенность, что ни один зверь не сделает мне ничего плохого. Хотя по-настоящему диких хищников я пока еще не видел.

Увы, все эти способности не помогли мне занять отцовское место.

Проработав в цирке чуть меньше года униформистом, я ушел в армию, где закономерно попал на границу и получил боевого товарища, хотя ничего не понимал в кинологии. Мы с Барсом дрессировались на пару, и это у нас неплохо получалось, так что после выхода на гражданку я уже имел довольно прибыльную профессию.

Именно эта профессия в конечном итоге и привела меня в брянские леса, где пришлось делить место у костра с компанией наемников и кавказской овчаркой Диной. Два года назад, позарившись на неприлично высокую зарплату, я пошел на работу в особняк одного банкира, где приглядывал за десятком разных питомцев: начиная с визгливой и вздорной болонки и заканчивая парой кавказцев и донельзя злобным питбулем. Кстати, именно тот факт, что я умудрился найти общий язык с этим в принципе несчастным и психически покалеченным животным, и обеспечил мне высокие доходы. Банкир любил пса, но приближаться к нему опасался.

Питбуль по кличке Рык остался в особняке, а меня с Диной работодатель за каким-то чертом потащил в экспедицию. И не сидится же старику дома.

Что бы ни искал старик в брянских лесах, но мне приходилось плестись следом, причем в компании не совсем приятных мне людей. Вдобавок к хорошо знакомым телохранителям шефа Лехе и Степе в Трубчевске к нам присоединились четыре человека, одетых как охотники, и еще два явно местных жителя. Судя по внешнему виду, местные работяги если и не скатились на самое дно, то были уже близко. Оба шли по лесу, демонстрируя всему миру глубоко отпечатанное на лицах желание выпить.

А вот «охотники» были слеплены совсем из другого теста – молчаливые, подтянутые и злобные. С Винтом мы не поладили сразу – ему не понравилась Дина, он даже попытался пнуть ее ногой, что не понравилось уже мне. Вот так, слово за слово, я и приобрел головную боль, причиной которой стала увесистая затрещина. Конечно, после этого можно было бы интеллигентно заткнуться, но не с моим характером.

Болезненное место наемника обнаружилось, когда наш кортеж из четырех джипов проезжал небольшую деревеньку в лесу. Там нас остановил местный участковый. По большому счету никаких проблем не возникло, и мы разошлись, оставив стражу закона зелененькую бумажку. Но во время проверки документов я подслушал, как участковый называл имя и отчество Винта. И теперь каждый раз, когда я произносил: «Викентий Петрович», Винта почему-то трясло. Вот так мы и «кусали» друг друга, пока джипы не уперлись в поворот проселочной дороги, от которой в нужном нам направлении

шла неприметная тропинка. После этого было как-то не до словесной пикировки.

Шли весь день, и я уже не чувствовал ног. Нагруженных лопатами и ломами рабочих вообще пришлось подгонять пинками. Наемники в свою очередь двигались легким шагом, словно и не тащили на своем хребте увесистые рюкзаки. Проще всего было шефу – телохранители быстро соорудили своеобразный паланкин с сиденьем и, как два битюга, потащили хозяина через лес, только треск шел на всю округу.

Закончив с ужином и посидев немного у костра, мы начали готовиться к ночевке. Оба телохранителя уже разбили палатку и, расположившись у ее входа, хранили сон работодателя. Наемники разделились на две пары – одна полезла в двухместную палатку, а вторая исчезла в окружающей лагерь темноте. Я покосился на рюкзак, который весь день тащил на себе, и, горестно вздохнув, достал из него спальный мешок. Разбивать палатку не хотелось, а если честно, и необходимых навыков у меня не было.

Вжикнув застежкой и пару минут поворочавшись, я быстро уснул, убаюканный мерным дыханием прислонившейся ко мне Дины.

Утром после легкого завтрака со всей решительностью навьючил на себя рюкзак, готовясь к долгому маршу, но через час блуждания под куполом леса наша походная колонна остановилась. Приятной новостью стало то, что мы достигли цели нашего путешествия. Брянская область – это вам не

Сибирь, и совсем глухих уголков, к которым нужно неделями добираться по бурелому, здесь не осталось.

Палатку ставить было откровенно лень, да и времени на это не оставалось. Шеф отправил меня обратно на тропу вместе с Диной и Винтом. Приказ был предельно ясен – бдеть, чтобы по нашим следам никто не прошел незамеченным. Нам с Диной было поручено обнаружение, а Винту силовое противодействие незванным гостям. Непонятно, зачем здесь нужна собака и, соответственно, ее поводыр. Еще напрягало молчание Винта. Мало того, время от времени он бросал на меня странные взгляды. Вновь появилось ощущение, что я не знаю чего-то очень важного.

Так мы просидели целый день, даже пообедали прямо на посту принесенной Степой кашей с мясом. Когда вечная тень леса уже начала усугубляться вечерними сумерками, сзади раздался треск веток, и к нам подошел Леха. То, что идет один из моих старых знакомцев, стало понятно сразу, потому что наемники, в отличие от телохранителей, двигались по лесу, как тени.

– Слава, тебя хозяин зовет, – сказал Леха, почему-то пряча глаза.

А вот Винт вдруг заулыбался. Он удобнее перехватил охотничий карабин и шагнул чуть в сторону, становясь на тропу. Сразу жутко захотелось рвануть в лес и бежать куда глаза глядят. Но явных причин экстренно спасать свою жизнь пока не было – не расценивать же ухмылку наемника

как угрозу, — да и вряд ли удастся сбежать от этого хищника. Дина, почувствовав мое настроение, глухо зарычала.

— Спокойно, девочка, все хорошо. — Я погладил собаку по голове и шагнул в сторону лагеря. Леха пошел впереди, показывая дорогу, а Винт тихо заскользил сзади.

В лагере мы не остановились и прошли дальше. Метров черед тридцать я начал различать в просветах между сплетением веток какую-то возвышенность, а еще через двадцать метров понял, что это поросший лесом курган.

Чуть в стороне от прорубленной в зарослях тропы виднелась изрядная куча свежего грунта. Вблизи стало понятно, откуда именно извлекли этот грунт.

Блин, они же раскопали курган. И зачем им это нужно?

Короткий тоннель, который мне пришлось преодолевать согнувшись, а моим сопровождающим едва ли не на четвереньках, вывел нас в сложенное из плохо отесанных каменных блоков помещение. Комната была похожа на перевернутый котел где-то десятиметрового диаметра. Единственным предметом интерьера в странном зале был цоколь колодца и примыкающая к нему каменная стела.

Слабый дневной свет остался снаружи, внутри все освещалось мощными фонарями, которые давали довольно густую тень. Именно поэтому я только через пару секунд сумел рассмотреть, что в тени прикрепленного к стене фонаря лежат оба наших рабочих, причем в связанном виде. По спине тут же пробежался холодок страха.

– Сергей Владимирович, вы меня звали? – спросил я дрогнувшим голосом.

– Да, Слава, звал. Хочу рассказать тебе одну легенду.

Обстановка мало располагала к выслушиванию лекций по истории, но выбора мне никто не предоставил.

– Почти тысячу лет назад в этих лесах жили вятичи. Они были смелым и предприимчивым народом, пережившим много горестей и побед, но не это привлекло меня в их истории. Когда-то я занимался историческими исследованиями и был очень близок к профессорской степени, но быстро понял, что это неблагодарное занятие. В те времена я наткнулся на очень интересную историю о князе вятичей, имя которого тебе мало что скажет. Так вот, жил этот князь необычайно долго и умер не своей смертью, а от вражеского меча. При этом здоровье имел отменное до ста двадцати лет, и это при том, что в те времена даже сорок было в радость. История мало что сохранила об этом человеке, но я все же нашел упоминания о нем самом и о том, как он выкупал и захватывал пленников из разных славянских племен, которые сразу же исчезали в неведомом направлении. Нашел я все это, когда годы легли мне на плечи тяжелым грузом, да и здоровье начало портиться.

– А зачем вы мне об этом рассказываете? – не выдержал я.

– А затем, мой юный друг, что недавно я купил раритет: рукопись, в которой упоминается колодец, дарующий здоровье и долголетие. И вот именно это касается тебя самым

непосредственным образом. Ты удостоен чести стать первопроходцем.

Я попытался дернуться, но тут же почувствовал, как мои руки, словно клещами, ухватили наемники. Дина тут же зарычала, но была прервана строгим голосом.

– Дина, ко мне, – приказал банкир, и собака покорно пошла к своему хозяину. Вот такие вот дела.

Наемники быстро связали меня, предварительно избавив от всего, кроме джинсов и футболки. Даже ботинки сняли, сволочи. Винт хотел двинуть мне кулаком в лоб, чисто для профилактики, но ему этого не позволили.

– Не повреди его, – сказал банкир, подходя к стеле. – Вдруг он должен быть абсолютно здоров.

– За что? – Надеюсь на чудо, я все же попытался достучаться до совести своего бывшего работодателя.

– А ты думал, что я не узнаю о твоих шашнях с моей женушкой? – вдруг окрысился мой бывший работодатель. – Ничего, вернись обратно, и она последует за тобой. Главное, чтобы все сработало. Не уверен, что троих хватит, чтобы полностью вернуть мне силы.

Да уж, я редкостный идиот. И ведь поверил этой стерве на слово. Она клялась, что муж – импотент и смотрит на интрижки молодой жены сквозь пальцы. Впрочем, нет смысла кивать на обман, в тот момент в моем организме процессом принятия решений занималась отнюдь не голова.

Мне даже не удалось послать своей бестолковой любов-

нице последние проклятия – наемники подхватили меня и сунули головой в колодец. Я только успел заметить, как старик торжественно возложил руку на вершину стелы.

Диаметр колодца был достаточно большим, и вниз я летел плашмя лицом вверх, поэтому успел заметить все подробности фантастического действия. По стенам колодца засверкали молнии, а затем вверху что-то грохнуло. Звук взрыва вдруг оборвался, и я ударился спиной о землю. Причем приземлился довольно мягко, даже не потеряв сознания. Правда, на голову тут же свалился кусок камня, но и он не вырубил меня, а лишь набил изрядную шишку.

Надо мной раскинулось бездонное небо с чуть розоватыми облаками. Солнца пока не было видно – оно находилось за лесом, что не удивительно для вечернего времени.

Какой там вечер! Вокруг было значительно светлее, чем в брянском лесу – там уже начинались сумерки. Да и вообще, окружающая обстановка больше напоминала раннее утро, чем вечер.

Это, конечно, интересно, но еще интереснее, как избавиться от веревок.

Перейдя к основной проблеме, я наконец-то осмотрелся вокруг и увидел, что нахожусь в каком-то капище. Как должно выглядеть древнее место поклонения богам, я не знал, но, глядя на вытесанные из огромных колод изваяния, в голову пришло именно это слово.

Изображения местных богов – сомнений в этом не было –

стояли полукругом, обрамляя пространство десятиметрового диаметра, в центре которого лежала моя связанная тушка. Стоит отметить, что деревянные скульптуры не выглядели особо древними. Одна даже сверкала белизной свежеструганого дерева.

В голове тут же мелькнула мысль – если быстро не убраться отсюда, то в капище могут появиться жрецы. Вот они обрадуются готовой к применению жертве.

Испуганный этой мыслью, я осмотрел изваяния внимательнее. Вроде кровавых потеков не наблюдалось, да и у основания художественно отесанных столбов имелись только какие-то черепки, бусы и увядшие цветы.

Это очень хорошо, но радоваться пока рано.

Из общей картины выбивались лишь подаяния усатому божеству с нахмуренными бровями. Позолоченные усы божка о чем-то напоминали, но в этот момент мне было как-то не до исторических деталей, потому что взгляд зацепился за ржавый нож, рукоять которого виднелась в груди пожертвованных.

Извиваясь как гусеница, я дополз до столба и уже начавшими неметь пальцами нащупал рукоять ножа.

Пока пилил веревку, несколько раз порезался, но раздражение от этого факта легко смылось облегчением, когда путь наконец-то упали, позволяя мне встать на ноги.

– Извините, уважаемый, но это я оставляю себе, – обратился я к изваянию с золотыми усами, запихивая нож за ремень

на джинсах.

Только после освобождения мне в голову начали приходить иные мысли кроме спасения собственной жизни.

Во-первых, что случилось в брянском лесу? Нет, меня интересовало не оздоровление этого уroda-банкира, а молнии в колодце и камень мне на голову. Если учитывать взрыв и то, что на меня чуть позже не свалились работяги-алкаши, что-то пошло не так.

Надеюсь, мой мучитель получил свой камешек в лоб, да еще и с летальным исходом!

Вопрос второй – куда я попал? А в том, что «попал», можно не сомневаться – фишка с отторжением окружающей реальности для спасения психики от перегрузки у меня никогда не проходила. У тех, кто работает с более чем реальными хищниками, иллюзии заканчиваются после первой «улыбки» льва, остается только логика и реальная оценка собственных сил. Все удивляются смелости дрессировщиков, но ее не существует. Смелость и отвага – это психическое расстройство сродни любви, а в работе с хищниками можно опираться только на знания, опыт и холодный расчет.

Итак, я попал, но куда? Единственным путем к ответу на этот вопрос представлялась тропинка, ведущая в лес. Что ж, пойдем и спросим – бродить по лесу в одиночестве все равно не вариант. Местным выследить меня раз плюнуть, а вот отношение к тому, кто крадется по лесу, вместо того чтобы открыто выйти к людям, диаметрально противоположное.

Лес рос на благодатной почве без вкраплений камня, поэтому моим босым ногам на тропе было вольготно и отсутствие обуви совсем не удручало. И это учитывая, что в брянских лесах мы оказались в середине осени!

Вторая странность только начала проникать в мой мозг, как тут же все мысли покинули его, оставив лишь настороженность. Прямо по курсу моего следования послышался тонкий детский визг. Кричала девочка. Не скажу, что я обожаю детей, но, как и любой нормальный мужчина, не смогу пройти мимо, если ребенок в беде. Сорвавшись с места, я побежал по тропе, доставая из-за пояса свое единственное оружие.

Огромная поляна, на которой раскинулось поселение, открылась неожиданно, но времени рассматривать бревенчатые здания у меня не было, потому что взгляд моментально приковала к себе беленькая фигурка, уцепившаяся за нижнюю ветку высокого дерева. Девочка лет шести висела на дереве, не в силах подтянуться. Пара обломанных сучков позволила ей добраться до толстой ветки на солидной высоте, но дальше дело не пошло.

Похоже, я провалился в прошлое. Подобный вывод можно было сделать по расшитой длиннополой рубахе на ребенке и украшенному бисером подобию кокошника. Одежда явно славянская.

Впрочем, поспешный вывод насчет темпорального путешествия оказался ошибочным, это выяснилось, едва я опу-

стил глаза на того, кто так напугал ребенка.

Слоновьи какашки! То, что прыгало под деревом, не было похоже ни на что виденное мною не только в реале, но и в фантастических фильмах, включая ужастики. Какой-то крокодил на высоких ножках.

Это другой мир! И только тогда реальность навалилась на меня всем весом. Мозг все же сыграл со мной злую шутку, отсекая от внимания некоторые детали. И трава с голубоватым оттенком зелени, и листья более округлой формы.

Мир был очень похож на земной, но все же это далеко не Земля. И, словно подтверждая мою позднюю догадку, над лесом показался краешек огромного солнца. Впрочем, привычное Солнце огромное светило напоминало мало, хорошо хоть свет был более или менее привычного спектра.

От созерцания окрестностей меня оторвал совсем уж отчаянный визг. Девчушка вот-вот должна была сорваться прямо в зубы крокодилообразного монстра.

Бросаться на помощь сломя голову было глупо, и я быстро оценил обстановку (жаль, что не сделал этого чуть раньше).

Так, блокировать челюсти этого монстра бесполезно, если у него и есть рефлекс мертвого хвата, то такие зубы перекусят руку даже с самой толстой намоткой, а у меня только футболка. Но вариант был – ошейник на зубастой животине подсказал дальнейший план моих действий.

Короткий свист отвлек «собачку» от ее жертвы.

– Молодец! Хо-оро-ошая собака, – начал хвалить я зверя,

пользуясь нехитрым приемом старых собаководов.

То, что домашние питомцы способны понимать человеческую речь, является выдумкой. Максимум – они способны связать определенные сочетания звуков с некими действиями, к которым их приучили. Звери реагируют только на интонацию, зато очень хорошо понимают, когда их хвалят, а когда ругают. Также они прекрасно понимают угрозу, поэтому я уронил нож в траву и чуть присел, скорчив умильную рожицу.

Собакокрокодил удивленно уставился на меня, не понимая, за какие такие заслуги его хвалит этот незнакомец. Подобное обращение он слышал только от хозяина и близких ему людей, а значит, незнакомец может оказаться другом хозяина. Но его запах незнаком! Тогда чего ж он хвалит? В такие моменты тренированные звери привыкли полагаться на команду хозяина, но хозяина-то рядом не было.

Сразу хочу уточнить, что такой прием работает далеко не всегда, но это в любом случае лучше, чем кидаться на большого зверя с палкой или, хуже того, убегать.

– Молодец, красивый пес, умничка. – Уверен, что местные обитатели говорят не на русском языке, но, как уже говорилось, язык был совершенно не важен. – Большая, красивая, умная собака.

Продолжая умильно улыбаться, я подошел к дереву и аккуратно поймал на руки обессиленную девочку. Зверь шагнул назад и вновь зарычал.

– Что случилось, хороший мой? Что такое, красавец? – Мой голос источал мед, но строго определенной концентрации. Здесь не должно быть ноток лести или уговоров, только уверенная похвала, ведь страх будет сигналом к атаке.

Время нерешительности зверя стремительно утекало. В принципе я планировал забросить девчущку на ветку и попробовать успеть залезть туда сам. К счастью, делать этого не пришлось. К счастью, потому что древолаз из меня аховый.

Со стороны поселения донесся сердитый голос, и зверь тут же убежал, подарив мне напоследок недоверчивый взгляд. Только теперь я заметил, что у нашего спектакля были зрители. Пока я уговаривал агрессора, из поселка подтянулось с десятков людей, одетых, как я и ожидал, в славянском стиле. Но ближе они подходить не стали. А вот одетый в красную рубаху и синие шаровары бородатый мужик оказался решительнее, и это не удивительно, потому что зверь принадлежал ему.

Незнакомец явно хотел сказать мне какую-то гадость, но, осмотревшись вокруг, понял, что ругать меня не за что. Народ загудел, переговариваясь, и, увы, в их речи я узнал лишь пару слов, и то приблизительно. Смысл остальных ускользал от меня полностью.

Неловкую паузу нарушило появление бегущего по тропинке человека. Одет он был значительно беднее хозяина зверя, но это не помешало ему налететь на бородача с криком. «Крокодиловод» ответил ругательствами, но на агрес-

сию не пошел и даже сдержал зарывавшего питомца. Впрочем, слушать его никто не стал. Русоволосый мужик с повязкой на лбу тут же оставил спор и, подбежав, вырвал у меня девочку. Он немедленно начал ощупывать ее на предмет повреждений, приговаривая ласковые слова, которые для меня по-прежнему звучали непонятно.

Мне же оставалось стоять среди всей этой кутерьмы истуканом, совершенно не понимая, как действовать. Я наверняка сделал доброе дело. О причинах происходящего особо гадать нечего, скорее всего девочка полезла туда, куда нельзя, – возможно, в чужой сад – и нарвалась на сторожевого зверя. Образовалась погоня. Сторож исполнял свои обязанности, и ему было плевать на возраст нарушителя, да и его хозяина подобные нюансы мало интересовали. В итоге все закончилось благополучно, а у меня здесь появился как минимум один доброжелатель. Один – потому что остальные смотрели в мою сторону предсказуемо настороженно, а вот хозяин зверя рассматривал с неприятным интересом.

Перепуганный отец наконец-то оторвался от дочки и, похоже, как и я, заметил взгляд бородача. Он попытался мне что-то объяснить, но лишь вздохнул, встретив непонимание. В это время бородач в красной рубахе развернулся и быстро повел пса в поселение. Вроде ничего странного, но это почему-то не понравилось моему доброжелателю.

Он побледнел и глубоко задумался. Через пару секунд русоволосый «очнулся», стукнул себя кулаком в грудь и, как

мне показалось, представился.

– ...Богша.

И никаких тебе «аз есьм». Какой-то здесь не тот старославянский.

– Сла... – начал я, но быстро поправился. Родители дали мне вполне нормальное для здешних имя, так что ничего выдумывать не придется. – Владислав.

– Лепо, Владислав.

О, хоть что-то знакомое.

Наше знакомство приободрило Богшу, и он вновь залепетал, да так быстро, что не каждый местный смог бы его понять, что уж говорить обо мне. В очередной раз осознав, что его не понимают, Богша толкнул свою дочь в сторону стоявших поблизости женщин, а затем, ухватив меня за руку, потащил за собой.

Сначала мы шли в направлении поселения, и я даже обрадовался, что меня хотя бы покормят, но, увы, мы так и не вошли в створ деревянных ворот, замыкавших кольцо высокого частокола. У самых ворот Богша свернул с главной тропинки, и мы пошли в обход.

За острыми верхушками толстенных кольев виднелись остроконечные крыши деревянных изб. Архитектурный стиль был похож на старорусский, но все же с примесью чего-то незнакомого.

Пройдя возле частокола, мы немного попетляли по проходам между полями-огородами и нырнули в лес. Очень хо-

телось спросить у Богши, что он задумал, но возрастающее беспокойство на его лице заставило промолчать.

Пока мы шли, мой новый друг постоянно что-то говорил, так что была возможность прислушаться к языку, который, скорее всего, станет для меня основным. Не скажу, что являюсь большим специалистом в языках, но возможность слышать старославянский в церкви у меня была. В речи Богши присутствовала та же мелодика, но при этом присутствовало много слов с каркающим германским звучанием.

Сделав выводы насчет языка, я переключился на окружающий мир. Внешне лес мало отличался от земного. Отличия конечно же были, но, как уже было сказано, все заключалось в разнице линий и оттенков, а не форм и основных цветов. От другой планеты ожидалось больших странностей. О том, что я уже не на Земле, постоянно напоминал огромный солнечный диск над головой.

При виде собакокрокодила я решил, что в дальнейшем встречу много удивительного как в животном, так и растительном мире новой планеты, но, как ни странно, дальше все было намного прозаичнее. У ворот поселения бегали куры, а на частоколе сидела хоть и большая, но вполне земная кошка. Огромный рыжий кошак проводил нас глазами, ничем не выдавая свою инопланетную сущность. На полях также росло то, чему и положено там расти, по крайней мере, в моем понимании этого вопроса. Здесь были и капуста и свекла. Чуть дальше колосилось пшеничное поле. Либо этот мир

слишком похож на наш, либо люди принесли с собой много полезного.

Понимание того, что произошел перенос на другую планету, никак не повлияло на мое эмоциональное состояние. Или это пока на мозг давило шоковое состояние? Но смотрел я по сторонам больше с любопытством, чем со страхом. Не было ни истерики, ни долгого отрицания, когда одежда окружающих воспринимается как киношные костюмы, а странное поведение людей как несмешная шутка. Герои некоторых «попаданческих» романов умудрялись списывать даже необычный вид небесных светил над головой на галлюцинацию. А чего тут, спрашивается, рефлексировать? Попал так попал. Это надо быть идиотом, чтобы принять того же Богшу за киноактера или шутника. Ни один актер не сможет вести себя так естественно в этой одежде и этой среде.

Минут через пятнадцать быстрой ходьбы мы вышли из леса на открытое пространство, обрамлявшее большую реку. Чтобы добраться до воды, нужно было спуститься вниз к деревянному форту с большой пристанью. За все это время Богша так и не отпустил мою руку. Мне даже стало неловко, но попытка вырваться ни к чему не привела. Наоборот, когда мы достигли середины спуска довольно крутой тропинки, Богша оглянулся и побледнел еще сильнее. Что именно он там заметил, увидеть не довелось – мой проводник потянул меня с новой силой, и, чтобы не упасть, пришлось внимательно смотреть под ноги.

Наконец-то мы достигли ворот в обширный двор форта, на страже которого стояли два воина в солидной броне. На обоих были одинаковые пластинчатые доспехи и похожие на казанки шлемы. Оба стражника были вооружены копьями и мечами.

Ну здравствуй, Средневековье!

Все это мне удалось осмотреть мельком, потому что Богша перешел на бег.

Внутри форта помимо основного здания с бойницами пролегли две улицы, пересекавшиеся под прямым углом. По обеим сторонам больше похожей на переулок главной улицы находились одноэтажные строения как казарменного, так и явно обычного жилья.

Только добежав до одного из двух крыльев бревенчатой крепости, Богша наконец-то сбавил темп и, тяжело дыша, оглянулся. Бледность сошла с его лица, и он даже позволил себе улыбнуться в мою сторону. Мне же оставалось довериться человеку, чью дочь я спас от смерти.

Богша отпустил мою руку и, призывно кивнув, потянул на себя ручку тяжелой деревянной двери.

Шагнув внутрь, я попал в небольшое помещение с низким потолком. Посреди этой каморки стоял большой стол, за которым сидел похожий на медведя мужик с сединой в волосах и бороде. Кстати, было видно, что они с Богшей принадлежат к разным народам. Мой неожиданный друг имел явно славянскую внешность – русые волосы и серые глаза. А вот

заседавший в каморке тип хоть и обладал светлыми волосами и голубыми глазами, но имел более острые черты лица. Шрамы на загрубелой коже и потертый кожаный поддоспешник выдавали в нем воина, а если объединить все это с заляпанными чернилами пальцами, то можно сделать вывод, что передо мной армейский вербовщик. Не хватало только призывного плаката за спиной.

Так, с этого момента нужно быть очень внимательным.

Богша, поминутно оглядываясь на дверь, начал что-то толковать скучающему воину. Тот смотрел на меня с легким презрением и насмешкой. Чего уж там, на Шварценеггера я не похож, как и на крепкого крестьянина, так что у опытного воина были причины для пренебрежительных взглядов.

Вдруг ситуация изменилась. Вербовщик услышал от Богши нечто, заставившее его напрячься. Он встал из-за стола и подошел к углу каморки. Помещение освещалось парой масляных ламп типа каганца, так что после яркого дня я только спустя некоторое время начал различать детали интерьера этого места. За столом вся бревенчатая стена была занята полками со свитками. В левой от меня стене имелась дверь в глубь дома, а на правой сплошь висело оружие. В углу между стенами со свитками и оружием лежала куча тряпья, которая не совсем сочеталась со спартанской, при этом ухоженной, обстановкой. Вербовщик подошел к замеченной мной куче и пнул ее ногой. Тряпье зашевелилось, и через секунду я увидел нового персонажа в этой слегка отдающей бредом «пьесе».

Это был второй представитель неземного вида живых существ, и на сей раз явно разумного. С виду гуманоидного типа существо походило на гибрид человека с птицей. Обтянутое темно-коричневой, морщинистой кожей тело венчала лысая, почти человеческая голова с самым натуральным клювом. Половину верхней часть головы занимали огромные карие глаза с двумя радужками. Так что получалась конструкция с тремя кругами, если считать от центра – черным, карим и розовым.

Распрямившись, «птиц» явил мне свой метровый рост, к тому же стало понятно, что лохмотья являются не бомжацким прикидом, а особым стилем одежды, словно заменявшей отсутствующие перья. В распрямленном состоянии одевание смотрелось довольно органично.

Внезапно существо прыгнуло вперед и приземлилось на стол, по-птичьи оттопырив зад. От неожиданности я отшатнулся.

Вербовщик коротко отругал «птицу» и даже шлепнул ее по лысой голове, но не сильно и без злобы. Затем человек заговорил, обращаясь уже ко мне. Примечательно, что его речь немного отличалась от говора Богши. В ней присутствовало больше отрывистых «германских» слов. Такое впечатление, что два моих новых знакомых говорили на разных наречиях одного языка. Впрочем, понимание этого факта не делало речь вербовщика более понятной.

Я уже хотел отрицательно помотать головой, но внезапно

в мой мозг ворвался целый рой картинок. Попытка вычлениť хоть одну из них не удалась, но, как ни странно, десятки мелькающих образов оставили после себя понимание послания. Меня спросили, умею ли я обращаться с хищными животными. Судя по всему, это был перевод слов вербовщика в исполнении «птицы».

– Да, я умею работать с хищниками, и не только! – глядя в странные глаза существа, буквально проорал я и тут же попытался разжиться информацией: – Куда я попал?! Чего вы от меня хотите?! Кто...

Внезапно удар увесистого кулака по столу прервал мою экспрессивную речь. Вербовщик сказал несколько слов, и в мой мозг вновь влетел рой картинок, из которых становилось понятно, что меня не понимают и требуют лишь односложных ответов с помощью движений головы.

С трудом подавив раздражение, я кивнул. Затем еще раз, подтверждая свое умение обращаться с животными. Вербовщик явно повеселел. Еще одно предложение от вербовщика в сопровождении «мыслефильма» донесло до меня предложение вступить в королевскую армию.

А вот тут я отрицательно и очень активно замотал головой.

Очередное обращение к моим ушам и мозгу было таким длинным, что даже заболела голова. Но я прекрасно понял, что выбора у меня нет. Человека, не принадлежащего ни к одному из местных кланов, ждет удел раба. Также мне

предложили выглянуть за дверь. Наемщик правильно понял взгляды Богши.

Делать было нечего, и я, приоткрыв дверь, посмотрел наружу.

Этого и следовало ожидать. На противоположной стороне улочки вальяжно расположилась группа из трех человек с небольшими дубинками в руках: уже знакомый мне черноволосый бородач в красной рубахе и двое мордоворотов, одетых победнее. Кстати, несмотря на цвет волос, бородач явно был сородичем и Богше, и своим русоволосым пособникам, чем отличался от того же вербовщика.

Не нужно долгих объяснений для понимания того, что я «попал», причем во второй раз. Чужой человек, без защиты, в рабовладельческой стране моментально становится собственностью более сильного. Взгляд на Богшу показал, что всю доступную ему помощь он уже предоставил – привел меня в единственное безопасное место в округе.

Что же, выбора у меня, похоже, нет.

Повинуясь жестам вербовщика, я позволил проколоть себе подушечку большого пальца и поставил кровавый отпечаток на бумажном свитке под длинным текстом.

Я вырос в мире специалистов по извращению законов и понимал, что подписывать документ, не прочитав его, – это чистой воды идиотизм, но неизвестные мне последствия еще далеко, а мужики с короткими дубинками рядом. И что-то подсказывало, что в случае сопротивления тут же вмешают-

ся стражники и действовать будут отнюдь не на моей стороне.

Немного напряг момент, когда вербовщик передал Богше мешочек с монетами, но злоба на этого человека умерла в зародыше. Отец спасенного моими усилиями ребенка тут же подошел ко мне и протянул еще не согретый его руками кошелек.

– Нет, Богша, тебе нужнее, – без надежды на понимание сказал я, подкрепляя их отрицательным жестом.

Немного помявшись, он все же взял кошелек.

Вербовщик не захотел наблюдать за нашими пантомимами и выпихнул Богшу из комнаты, а меня проводил внутрь здания и определил на постой в пустую казарму.

Судя по пыли и запустению, длинное и узкое помещение с двухъярусными нарами пустовало давно, и я был здесь единственным жильцом. Но в тот момент подобные нюансы волновали меня меньше всего.

Хоть передряги вымотали меня до последней степени, есть все же хотелось больше, чем спать. Пока раздумывал, как привлечь к себе внимание, в казарме появился служка в льняной рубахе без вышивки и таких же портах. Он принес с собой деревянную миску с кусками мяса и хлеба. Разбираться, что это, я не стал и быстро заработал челюстями.

Едва голод пошел на убыль, глаза тут же стали слипаться. Так что я едва добрал до набитого травой тюфяка на нарах и моментально выключился.

Пробуждение прошло в полной темноте. Причем с первой же секунды я был уверен, что нахожусь в другом мире и все произошедшее со мной не сон. Тюфяк, разительно отличавшийся от пружинного матраца по удобству, очень даже способствовал правильному восприятию реальности. Судя по ощущениям, мне дали поспать не менее суток. Знать бы только, сутки здесь – это сколько? Продолговатые пропилы в бревнах под потолком, которые выполняли функции окон и отдушин, подсказывали, что на дворе ночь, – какими бы узкими они ни были, но все же днем должны пропускать хоть немного света.

Ну и что мне делать в этой темени?

Попытка обследовать окрестности ни к чему не привела – единственные двери в казарме были подперты чем-то снаружи. Впрочем, паники это не вызвало – я бы и сам не позволил чужаку разгуливать по дому, особенно по ночам.

Оставалось вернуться на ложе и ждать. Несмотря на долгий сон и подступающее чувство голода, мне все же удалось уснуть.

Во второй раз меня разбудил тот же служка и провел по бревенчатым коридорам куда-то в другое крыло здания.

Через пять минут блуждания по коридорам и светлицам мы вышли в обширный зал, в котором даже имелись окна с вполне приличными стеклами.

Ага, не такое уж тут дремучее средневековье. Помещение оказалось столовой. Шесть огромных столов с лавками были

наполовину заняты парой дюжин воинов, быстро утолявших голод. Судя по всему, здесь культивировалось самообслуживание, поэтому я, не мудрствуя лукаво, встал в небольшую очередь и через пару минут получил в руки уже знакомую деревянную миску, теперь с горячей кашей. Только ложки я что-то не наблюдал ни в миске, ни поблизости. Плохо то, что мой сопровождающий уже ушел.

Благодаря короткой пантомиме и добродушию поварихи я все же получил столовый прибор. Искала она его долго, а это значит, что в этом мире работало старославянское правило – у каждого своя ложка.

Народ косо посматривал на меня, но с расспросами не лез, что вызывало уважение к их выдержке и дисциплине. Со стороны я представлял еще то зрелище – всклокоченная прическа, босые ступни и странные узкие штаны. Но это еще полбеды – лето на дворе, босой прислуги вокруг хватает. А как объяснить их равнодушие к грязной футболке с мордой чужого на лицевой стороне? В земном прошлом меня бы уже потащили на костер, по крайней мере в Европе. Любопытные взгляды окружающих имели поверхностный характер, и никто не пытался рассмотреть изображение голливудского монстра. Возникло такое впечатление, что они видели нечто и пострашнее. В голове этот факт скооперировался со вчерашними вопросами о моих умениях общаться с животными, и мне что-то поплохело. Аппетит улетучился, но я все же заставил себя доесть всю кашу. Мало ли когда меня еще

покормят.

Словно подглядывавший за мной, служка появился, как только показалось дно деревянной посуды. Он поманил меня жестом за собой и вывел из здания. На этот раз наши блуждания по дому были не такими продолжительными. Пройдя короткий коридор, мы оказались под утренним солнышком.

Не останавливаясь на пояснения, служка направился по улице к главным воротам форта. У меня даже мелькнула мысль, что все пошло наперекосяк, но вид десятка молодых парней у ворот чуть успокоил проснувшуюся паранойю.

Судя по всему, это были мои коллеги-новобранцы, и все явно из близлежащих поселений. Именно поэтому ночевал я в одиночестве.

В отличие от меня, парни были неплохо одеты и имели увесистые дорожные мешки за плечами. Всех провожали как минимум по двое родственников, а вот меня проводить было некому. Хотя нет, вру. На ведущей от леса тропинке появились две фигурки – маленькая и большая.

Маленькая тут же вырвалась вперед, но, не добежав до меня пару метров, застыла в нерешительности. Богша подошел следом. Мы все втроем улыбались, но так и не смогли ничего сказать. Впрочем, все было понятно и без слов. Богша сбросил со спины увесистую котомку и начал доставать оттуда разные вещи. Сначала он протянул мне белую рубашу, расшитую у ворота синими и красными узорами. Богша с удовольствием указал сначала на вышивку, а затем на свою

дочь.

— ...Пламена.

— Пламена? Очень красиво, — тут же отреагировал я.

Девочка интуитивно угадала похвалу и покраснела. После этого я получил поршни — что-то среднее между кожаными тапочками и мокасинами. Точно такая же обувь была и на Богше. Последними из котомки появились две ложки: деревянная с резьбой и серебряная. Деревянную я с интересом осмотрел, а вот серебряную сразу вернул. В глазах моего друга прочиталось тайное облегчение. Съестные припасы Богша доставать не стал. Впрочем, на этом наше прощание и закончилось. Чем-то недовольный воин громко крикнул на толпу провожающих и пошел в сторону пристани. Парни с котомками потянулись следом, так что мне пришлось срочно откланяться.

Короткая грунтовая дорога привела нашу группу к бревенчатому причалу, у которого явно еще с вечера был пришвартован большой корабль. От виденных мной исторических рисунков это судно ничем особым не отличалось — пузатая метров тридцати лодка с палубным настилом и совершенно одинаковыми кормой и носом. Больше всего удивляло то, что нигде не было видно весел. Интересно, а как они ходят вверх по течению? Парус тоже не впечатлял, так что ответ на мой вопрос крылся не в нем.

За нашей погрузкой наблюдал толстый купец в расшитом серебром алом полукафтани. По крайней мере, именно это

название пришло мне в голову при виде его одежды. Под полукафтаном виднелась алая рубаха с вышитым золотом воротом. В общем, богатый дядька. Хозяин судна чуток поворачивал на сопровождавшего новобранцев воина, но тот небрежно отмахнулся и тут же улегся на палубу в тени паруса.

Купец, продолжая ворчать, топнул ногой о палубу. На этот зов из трюмного люка появился уже знакомый мне «птиц». Он быстро перебрался к носу и уселся на специальный настил.

А вот это уже интересно.

Два загорелых парня, на которых из одежды имелись только урезанные до состояния шорт порты, подхватили длинные канаты с плетеными «грушами» на конце. Именно вид этих канатных «груш» меня и насторожил. Они были сильно изгрызены.

Ответ на осаждавшие мой мозг вопросы появился буквально через пару секунд. Как только груши упали за борт, водная гладь вдруг вспучилась бурунами и корабль резко дернуло. Купец недовольно завопил, а «птиц» втянул голову в плечи. Не знаю как, но в резком старте лодки было винновато именно это существо. А ведь мы действительно стартовали. Набирая скорость, ладья направилась к середине реки. Я пробежался взглядом по туго натянутым канатам и увидел два вытянутых вдоль темных спин плавника. Если судить по тому, что виднелось над водой, это были огромные угри. Метров эдак семь длиной.

Этот мир продолжал удивлять меня, и что-то подсказывало, что далеко не в последний раз.

Наши «буксиры» тащили судно довольно резво, по крайней мере если сравнивать с парусными и гребными судами. А сравнивать было с чем. Время от времени мы обгоняли более бедных или жадных коллег приютившего нас купца. Путешествие становилось приятным. Огромное, но при этом ласковое солнышко, прекрасные виды, и, что самое главное, никто не заставляет ворочать веслом – чем не круиз?

У меня как раз появилась возможность поразмыслить над своей участью. Попасть второй раз в армию было не очень приятно, особенно настораживали мутные перспективы. Но при этом переход на вольные хлеба не рассматривался вообще. Пока меня будут бесплатно кормить и направлять, необходимо как минимум выучить местный язык и осмотреться. Книжные аналоги «попаданческого» успеха не рассматривались изначально. Вот скажите, зачем местным жителям паровой двигатель, если можно запрячь таких «рыбок»? Как выяснилось впоследствии, их даже кормить не нужно. Конечно, можно придумать порох и стать самым... востребованным подопытным крысакom, из которого сильные мира сего будут тянуть секреты вместе с жилами. Честно говоря, даже стало как-то легче, что я понятия не имею, как его делать, этот порох. Нет, про серу, селитру и уголь я знаю, ну а дальше-то что?

Как-то вдруг навалилась привычная всем учащимся и ар-

мейским служащим апатия – все, что нужно делать, скажут, накормят и нужным словам научат. В последнее время подобную атмосферу пытаются создать те, кто продвигает так называемую корпоративную культуру. В итоге получается послушное стадо. Неприятно? Конечно, но в моей ситуации это пока наилучший вариант. Или подобные слова говорит себе каждый «рачок» офисного планктона?

Речное путешествие продолжалось два дня. За это время мы делали ровно три остановки – две в середине дня на полчаса, пока наши «буксиры» резвились в воде, явно занимаясь рыбалкой, а в третий раз мы встали на ночевку у очередного форта.

Вокруг по-прежнему тянулись к небу вековые деревья бескрайнего леса. Впрочем, насколько он был бескрайним, с реки не просматривалось. Время от времени на берегах появлялись селения, похожие на то, в котором начался мой путь по этому миру. И чем дальше вниз по течению, тем чаще встречалось человеческое жилье и больше становились сами поселения.

Приближение к цели нашего путешествия ознаменовалось оживлением на палубе и чуть более суетной, чем обычно, бегом матросов.

Еще до полудня дракар начал отклоняться к берегу. А после небольшого изгиба реки все вдруг изменилось. Казалось, заросли испуганно отпрянули, словно спасаясь от выбравшейся из воды угрозы. В принципе так оно и было – большие

людские поселения плохие соседи для дикого леса. Поля и огороды уверенно наступали на деревья, чувствуя за собой силу раскинувшейся на берегу громады.

Город выросал в моих глазах как появившийся из ниоткуда кусочек сказки. Для поселения люди облюбовали высокий холм. Деревянные терема и украшенные резьбой избы спускались прямо к реке, где раскинулась огромная пристань. Все это богатство защищала бревенчатая стена с башнями и бойницами. Сначала я не мог понять, что меня настораживает, а затем осознал, что не вижу церквей. Возле порта виднелось большое здание с крестом, но не православной архитектуры.

Так, похоже, если христианство здесь и есть, то оно явно не доминирует. А тот златоусый столб в месте моего «приземления» был не кто иной, как Перун. Не то чтобы я был ярым христианином – в моем понимании Бог един, как его ни назови, – но православие было как-то привычнее. Впрочем, со своими правилами в чужой монастырь лезть как минимум глупо, а как максимум опасно.

Доселе не особо людная река покрылась разномастным скоплением лодок и стругов, явно промышлявших рыбной ловлей. Увидев наше судно, рыбаки взялись за весла, и лодки разбежались по воде, как водомерки, освобождая нам путь. Их поведение было вполне объяснимым, никто не хотел встречаться с нашими «буксирами», которые могли не только порвать сети, но и перевернуть саму лодку. Впрочем,

особого переполюха не наблюдалось. За кормой нашей ладьи уже через несколько секунд все возвращалось на круги своя.

По команде купца «птиц» ускорил наши «буксиры», а затем канаты неожиданно ослабли. Пользуясь инерцией, кормчий лихо причалил к одному из деревянных пирсов. На берег полетели сначала концы, а затем попрыгали матросы, плотно закрепившие судно у причала. Сопровождавший новобранцев воин тут же начал стогнать нас на берег, но я все же успел заметить, как сгорбившийся от напряжения «птиц» провожает взглядом водные буруны, направившиеся к ого-роженному деревянными решетками участку прибрежных вод. Что ж, вполне естественно, никто не станет давать свободу подводным монстрам вблизи большого города. У даль-него форта подобными мерами безопасности не заморачива-лись.

Город был прекрасен, особенно в глазах «отравленного» «квадратно-гнездовой» архитектурой человека. Не знаю, на-сколько хорошо здесь поставлена пожарная служба, но по-чти все дома выглядели очень старыми, однако отнюдь не ветхими. Уже пройденная нами стена солидно поблескивала боками уложенных горизонтально толстенных бревен море-ного дуба, а наличники и торцы бревен в избах встречали гостей резьбой, потемневшей от времени, но не ставшей от этого менее красивой. О теремах и говорить нечего – насто-ящие произведения искусства. И конечно же самым краси-вым был дворец местного владыки. Правда, близко к нему

мы не подходили, но впечатлений хватало, даже если рассматривать все это резное великолепие издали.

Вопреки ожиданию, пыли в городе не было, да и грязь в случае дождя вряд ли появится. Все улицы были любовно выложены деревянным брусом, а обочины, как плиткой, устланы такими же деревянными плахами.

Ну не город, а картинка!

Конечно, в округе хватало бедных и перекошенных домов, но они оставались за городской стеной.

Может, по местным меркам город и являлся крупным, но вряд ли вмещал больше пятидесяти тысяч жителей, так что наша прогулка надолго не затянулась.

Пограничник отконвоировал нас к местным казармам и сдал с рук на руки своему городскому коллеге. Мою персону он выделил особо, и не только словами, но и бумажным свитком. Местный воин тут же отделил меня от новобранцев и повел в отдельную казарму.

В небольшом помещении с двумя десятками нар расположилась довольно колоритная компания: двое арабов, четыре человека совершенно дикого вида и даже один мулат. Интересное дело, похоже, «волшебных» колодцев в свое время работало достаточно много, но почему тогда история умалчивает о таких интересных фактах земной истории? С другой стороны, какой правитель станет орать на весь белый свет о подобном шикарном бонусе?

Как и следовало ожидать, разговор с новыми сослуживца-

ми не заладился изначально. Арабы болтали о чем-то непонятно-своем, одетые в шкуры дикари о своем, а мы с мулатом молчали в тряпочку. Такая постановка вопроса явно не могла устраивать наше начальство, и положение начало исправляться следующим же утром.

После завтрака и пробежки вокруг обширной площадки казарменного комплекса наш «десяток» численностью всего семь человек направился в отдельное помещение, где нас ждал писарь. Компанию ему составлял «птиц», удобно устроившийся на жердочке пред рядами длинных лавок. Мы чинно заняли свои места, и «урок» начался. Похоже, залетные новобранцы попадают сюда достаточно часто, так что процесс был налажен до автоматизма. Писарь громко произносил слово, а «птиц» «транслировал» пакеты образов, объясняющих значение этого слова. Кстати, на самом деле этих существ называли хорохами, но это стало мне известно значительно позже.

Процесс обучения пошел достаточно быстро. Не скажу, что я туг на изучение языков, но успехи поражали. Буквально на следующий день мне удалось понять основные приказы командиров. Впрочем, разнообразием лексикона не страдала даже армия моей эпохи, особенно в пехоте, что уж говорить о средневековом войске.

Судя по учебной программе, я представлял для местного армейского начальства особую ценность – после общих уроков писарь оставлял меня на дополнительные занятия. Это

предположение подтверждали подслушанные на плацу разговоры. Оказывается, новобранцы из соседей Богши отправились служить на седмицу раньше срока, и виной тому был я.

Во время отдельных занятий писарь на пару с «птицем» втолковывал мне дополнительные слова, аналог которых я уже изучил на старославянском. Я оказался прав – в королевстве Брадар, что переводилось как «барство», использовался суржик двух языков: старославянского и кельтского, точнее, того, во что в этом мире превратилась смесь нескольких языков так называемой кельтской группы.

Наравне с основной формой государственного языка в ходу были две версии с уклоном в одну и в другую сторону, но чистых языков предков уже не осталось. Моим коллегам по «немоте» преподавали славянское наречие, а меня обучали основному языку, который использовали в столице государства. Увы, историю подобного политического казуса я пока выяснить не сумел – выученных слов было очень мало.

Словарный запас постепенно расширялся, что позволяло увеличивать поток воспринимаемой информации. Познавать новый мир было очень увлекательно, все поражало новизной и необычностью. Сожаление по утраченной родине с ее автомобилями, компьютерами и «резиновой» пищей постепенно таяло, как снег под солнцем.

Через несколько дней занятия с писарем и «птицем»-хорохом я полюбил еще больше, потому что все остальное вре-

мя мы занимались физической подготовкой. Десятники княжеской дружины – именно так называлось местное воинское подразделение – гоняли нас до потери сознания. Писарь даже пожаловался, что ученики спят на занятиях, тогда эти изуверы «сжалились» над нами – занятия перенесли на утро, а уже после обеда нас доводили до обмороков. От мысли, что мне придется корячиться так еще несколько лет, становилось плохо. Впрочем, простая, но здоровая пища, чистый воздух и физические нагрузки начали быстро приводить мое тело в необходимую для такой жизни форму, что вызывало непонятную для меня злобу инструкторов. Никакими боевыми упражнениями мы не занимались – только бег, подтягивание и подъем тяжестей. Не было даже гимнастики. Похоже, все это еще впереди, но, как оказалось, не для меня.

На шестой день пребывания в княжеской столице меня вызвали «на ковер» к начальству. Поход в деревянный дворец принес мне массу впечатлений от красот резного, ткацкого и кузнечного творчества. В огромном здании находились только нарядно одетые люди – начиная с прислуги и заканчивая приближенными князя. Сам князь принимал меня в большой светлице с целыми витражами вместо обычных окон. И богатый интерьер, и наряды придворных напоминали мне исторические картины и в то же время являлись чем-то совершенно другим.

Кроме вполне естественно смотревшихся у резного кресла князя придворных рядом с правителем находился «птиц».

Этот представитель неведомого мне народа выглядел намного презентабельнее всех, кого я видел раньше. Его накидка сверкала всеми цветами радуги, а кожа выглядела здоровой и ухоженной, как и будто лакированный клюв.

Сам князь сильно выделялся из общей картины своего двора. Он имел длинные черные волосы, прижатые к голове серебряным обручем. Черты лица говорили о большой примеси чужой, не славянской крови. Но секреты генеалогического дерева меня не волновали. Большой интерес вызвала накладка на левом виске князя. Часть сложного орнамента выбивалась из-под прически и наверняка тянулась к скрытому волосами уху. Примечательно, что среди княжеской свиты только двое имели похожее украшение на виске.

– Я князь Ратибор Драгáнович рода Вепря. Ты меня понимаешь?

К этому времени мой багаж брадарских слов значительно возрос, и я понимал практически все, что говорил князь. Тем более, проникшись ситуацией, он говорил медленно и отчетливо.

– Да, княже, понимаю, – поклонился я князю, как полагал писарь.

– Хорошо, вой, значит, пришло время отправлять тебя дальше. Если на то будет воля богов. Фумик, осмотри его.

Рослый хорох, макушка которого достигала груди взрослого человека, подошел ко мне. Возникший словно из воздуха служка поставил рядом табуретку, на которую «птиц»

и взгромоздился. Тонкие пальцы существа, увенчанные крохотными коготками, потянулись к моим вискам. Мне с трудом удалось подавить желание отшатнуться.

Прикосновение хороша не вызвало отвращения, как и других неприятных ощущений. Глаза существа закатились, словно он вот-вот упадет в обморок, но внезапно Фумик легко соскочил со скамейки и засеменил к князю.

– Он поводырь. Силу не знаю, – чуть картавя, запищал хорох.

Слово «поводырь» было мне знакомо. Именно с него начались мои дополнительные занятия с писарем, но ни мой учитель, ни соседи по казарме не могли толком объяснить, что это значит. Все сводилось к тому, что так называют людей, водящих за собой чудовищ.

Не скажу, что эта новость меня обрадовала.

– Ты владеешь великим даром и прославишь своих родичей, – как-то со значением произнес князь.

– У меня нет здесь родичей, княже, – начиная догадываться, о чем идет речь, ответил я.

– Это плохо, когда за тобой не стоит род.

– Плохо. – Мое сожаление было вполне искренним.

– Хочешь стать одним из Вепрей? – Князь говорил просто и доходчиво, как разговаривают с ребенком, но, с другой стороны, более замысловатая речь могла оказаться для меня непонятной.

– А кто такие Вепри?

Князь чуть напрягся, но быстро понял, что издевки в моем вопросе не было.

– В княжестве есть Вепри, Рыси и Медведи. Все мои родичи являются Вепрями, – пояснил князь.

– Что мне нужно делать?

– Тебе? – удивился князь. – Ничего. Быть хорошим Вепрем.

На этом наш разговор и закончился. Я ожидал каких-то церемоний, но все прошло совершенно буднично. Седой как лунь старик нанес мне на правое предплечье довольно красивую татуировку чем-то рассерженного дикого кабана, на этом все и закончилось.

Подоплеку действий князя пояснил мне писарь Вторак, и сделал это уже на второй день нашего совместного путешествия к столице объединенного королевства. Все дело в том, что роду Вепрей принадлежала половина города: и нищие, и сам князь. Так что преференций татуировка не давала никаких. Зато в столице королевства будут знать, что новый поводырь принадлежит к провинциальному роду.

В общем, меня использовали. Хотя повода для расстройства не было – я легализовался в этом мире и, возможно, получу помощь от столичных Вепрей, если, конечно, они там есть.

Судно, которое должно было отвезти меня в столицу, пришлось ждать трое суток. За это время удалось не только получить родовую татуировку, но и прилично отдохнуть, а

также завести интрижку со смешливой служанкой. Увы, заигрывания заняли значительно больше времени, чем сам роман.

Утром последнего дня моего пребывания в княжеской столице учитель брадарского языка исполнил роль будильника и поднял меня с постели ни свет ни заря. Всемила во сне сбросила с себя одеяло, поэтому ворвавшийся в выделенную мне комнату писарь сразу отвернулся и густо покраснел. У Всемилы было на что посмотреть. Девушка полностью отвечала данному ей родителям имени – «любимая всеми».

Прости, дорогая, но наш роман был очень мимолетным. Чмокнув девушку в щеку, я начал быстро одеваться. Княжеский тиун выдал мне обновку в виде удобных кожаных сапог, синих суконных порток и светло-синего полукафтана с простой вышивкой. Имелась также красная рубаха из чего-то очень похожего на шелк – не факт, что в этом мире были тутовые шелкопряды, – но я оставил ее в вещевом мешке, а надел подаренную Богшей. Хоть и не такую презентабельную, зато в ней чувствовалось тепло любящих рук. Кстати, за все время пребывания в этом мире меня не укусила ни одна блоха, как и другие кровопийцы. Непонятно, но очень приятно. Такое средневековье мне нравилось все больше и больше.

Всемила все же проснулась, и я уже напрягся в ожидании неприятной сцены, но девушка меня удивила. Как была неглиже, совершенно не стесняясь Вторака, она подбежала

ко мне и повисла на шее.

– Уезжаешь, любый?

– Да, сладкая моя, уезжаю.

Она чуть нахмурилась, но тут же улыбнулась и подарила мне долгий поцелуй.

– Подожди.

Девушка гибкой ланью метнулась к своим вещам и достала оттуда голубой платок с вышитыми по периметру виноградными гроздьями.

– Помни меня.

Что это, слеза? Рассмотреть я не успел, потому что девушка буквально вытолкала меня за дверь.

То, что мы поплывем к далекой столице еще быстрее, чем на судне купца, стало понятно с первого взгляда на наш новый транспорт. Черные борта солидного судна, по форме похожего на дракар викингов, имели стремительные обводы, что говорило о снижении грузоподъемности для увеличения скорости. У носа – очень похожего на корму – имелись буксирные канаты, но при этом из бортов торчали весла. Боевое судно явно располагало альтернативным способом передвижения, что было вполне разумно. У трапа черного корабля нас встретил одетый в кожаные доспехи матрос. Выслушав писаря, он отступил в сторону, пропуская нас к трапу. К моему удивлению, мой учитель прошел на борт следом за мной.

– Князь приказал учить тебя языку постоянно, – пояснил он, заметив мое удивление.

На корабле нас встретил еще один матрос. Он быстро указал не совсем желанным гостям их место и ушел по своим делам. Мы же с писарем устроились на небольшом пятачке палубы под натянутым вдоль всей кормы тентом. Место рулевого находилось на высоко поднятой площадке, так что тент ему не мешал. С другой стороны, если учитывать, что движением подобных судов в основном управлял хорох-погонщик, можно было бы обойтись совсем без рулевого.

Кстати, с «птицем»-хорохом я ошибся. Перед самым отплытием в кресло на носу корабля уселся человек.

Служащие порта открыли ворота «клетки для угрей». Вода тут же вспенилась стремительными бурунами.

Мне кажется или эти рыбки пошустрее купеческих? Хотя чему я удивляюсь?

Судно начало движение без каких-либо рывков и, вспенивая воду, словно моторный катер, устремилось вниз по течению.

За время пути мы с писарем успели сблизиться, и это не удивительно, потому что хмурые моряки не обращали на нас ни малейшего внимания. Капитан так вообще смотрел, словно на пустое место. И только поводырь «угрей» снисходил до небрежного кивка, когда проходил рядом. Судя по словам княжеского «птица», скоро я тоже стану поводырем, так что он мог бы быть и пообщительнее с коллегой.

Писарь выстроил план занятий с плотной загрузкой, и, понимая важность этого процесса, я не мешал ему ненужными

вопросами. Но все же на шестой день пути мне пришлось завести геополитический разговор.

Мы как раз проплывали мимо большого города, в котором преобладали каменные здания. Город был раза в три больше резиденции князя. Подходить к причалам в большом речном порту мы не стали, так что пришлось удовлетворять свое любопытство вопросами.

Из утомительных переговоров с писарем, которому часто приходилось объяснять мне сложные термины с помощью едва ли не десятка простых, удалось узнать, что этот город когда-то был столицей великого князя славян. Теперь здесь заседает королевский наместник Кун Мак Элан.

Вот это номер!

– А почему славянами командует кельт?

– Такова... ну так мы делаем очень давно. – Писарь попытался пояснить непонятное мне сложное слово, которое наверняка означает «традицию». – В трех частях бывшей славянской страны правят люди кельтского рода, а в четырех кельтских провинциях сидят славяне. Среди них есть даже один Вепрь. Боримир Драганович.

– Они что, с нашим князем родные братья? – удивился я.

Как оказалось, нет. Ох и тяжелая работка привалила бедному писарю. Каждый мой вопрос тащил за собой ворох других. Даже вспотел бедняга, поясняя мне, что Драганович – это не отчество, а фамилия и Боримир с Ратибором очень дальние родственники. Похоже, что имена первых попадан-

цев в этот мир и соответственно основателей родов с течением времени трансформировались в фамилии. Причем имелись оба варианта: как «вичи», так и «овы». Первый вариант чаще использовался у дворян.

У кельтов, похоже, та же история. Я не большой полиглот, но знаю, что «Мак» означает «сын», так же как и «ович» в русском варианте.

Сжалившись над измученным писарем, я остановил поток вопросов и дал ему возможность передохнуть. Так что последнюю неделю пути до столицы мы занимались только изучением языка.

После прохождения мимо столицы наместника поселения славян приобретали все более богатый вид – частоколы исчезли, зато появились сады и стоящие в отдалении от сел хутора. И чем ближе к столице королевства, тем более обжитыми становились берега реки. Селения шли один за другим, подпирая друг друга ухоженными полями. А лес был изгнан к самому горизонту. Оживилась жизнь и на реке – мы встречали и обгоняли множество торговых и военных судов. Первых конечно же было больше. Среди всего этого разнообразия суда с «угриной» тягой попадались не так уж часто. Кстати, я узнал, что наших «лошадок» называют «акаяси».

Интересно, откуда в смешанном кельтско-славянском языке появилось японское слово? Увы, уточнить не удалось, потому что при виде любопытства на моем лице Вторака аж передернуло, и я оставил его в покое. В принципе редкость

буксируемых судов была вполне объяснима – при дальнейших наблюдениях стало понятно, что акаяси тащат только военные дракары и торговые ладьи дальнего следования. Подобный вид транспорта наверняка стоит немало золота, так что торговцы местного уровня обходились парусом и веслами. Не говоря уже о рыбаках.

На последнюю ночевку мы остановились практически в пригороде столицы, потому что дракару нужно было сгрузить на военной базе какие-то ящики. Поэтому к городу подплывали в утреннем тумане. Местные жители наверняка недолюбливали эту речную дымку, каждое утро пропитывающую влагой все, до чего она могла дотянуться, но в моих глазах туман делал незнакомый город таинственным и прекрасным. Огромное светило, которому местные жители дали имя Ярило, словно выпрыгнуло из тумана, и казавшаяся монолитной дымка испуганно прижалась к воде и, скользнув по глади реки, бесследно растворилась в прибрежных зарослях. Передо мной встал удивительный город. Стены его домов казались легкими и ажурными, а дворцы, словно невесомые, устремлялись, к небу.

Глава 2

Курсант

Столица брадарского королевства считалась величественнейшим городом в этом мире, хотя, по мнению арабов, самым красивым был Исламбул. Лугус во всех смыслах этого слова был городом контрастов. Поразившая меня при первом знакомстве легкость оказалась лишь ажурной «одеждой», до времени скрывающей от взора врагов основательность и незыблемость. Этот эффект достигался тем, что практически все стены в городе были прикрыты деревянными решетками-шпалерами, на которых рос виноград. И только высокие башенки и купола дворцов сверкали блоками дорогого белого мрамора, ажурность которым придавали узорные пропилы. Глядя на эти башенки, можно было предположить, что арабы правы, потому что мрамор сюда привозили из окрестностей Исламбула – «города ислама», прозванного за внешний вид жемчужиной запада. Арабы в этом мире жили на западе, а кельты на востоке, так что мне приходилось чуть переосмысливать устоявшиеся в моем сознании понятия о восточных и западных культурах.

Особо гнетущим Лугус казался в полдень, когда Ярило нависал над головой, а серые стены домов начинали излучать жару даже сквозь зелень винограда на шпалерах. Хорошо,

что форменная куртка имела парадный вариант – белый с серебряным шитьем, а то в боевой черной мне бы в такую жару не поздоровилось.

Внешне я довольно сильно выделялся на фоне прохожих, одетых в некую смесь славянских нарядов и кельтских хитонов. На мне красовалась вышеупомянутая куртка-безрукавка японского стиля. Хорошо, что у поводырей не прижилось кимоно, вот бы я намучился. Под запахивающейся курткой у меня имелась белая шелковая рубаша. Костюм дополняли коричневые шаровары и такого же цвета мягкие сапоги. На широком поясе висел прямой меч, только мешавший при ходьбе.

Мне-то что, а вот постовым у ворот нашей школы сейчас приходится туго – пластинчатые самурайские латы, причем черного цвета, под жарким Ярилом превращаются в духовку.

В такие дни меня всегда тянуло в прохладу подвала книжного магазина, куда я и направлялся, – только там можно смириться с душной атмосферой этого города.

Так уж случилось, что при первом знакомстве Лугус буквально растоптал меня, и не столько своей мощью и фундаментальностью, а известием о том, что я попал в армейскую кабалу на десять местных лет, которые, как назло, почти в полтора раза длиннее земных.

Заверенный моим отпечатком контракт имел хитрые исключения. Хотя в тот момент я вполне мог подписать вечные обязательства и без каких-либо юридических хитростей. В

контракте говорилось, что мне предстоит прослужить в королевской тяжелой пехоте пять лет. Но в одном из исключений имелась пометка, что в случае выявления у меня специфических способностей я поступаю в корпус поводырей на десять лет. И вербовщик в пограничном форте, и князь бежали вокруг меня именно потому, что подозревали наличие тех самых способностей.

И вот теперь я стал курсантом учебной роты корпуса поводырей.

«Веселенькое» известие о сроке службы сначала повергло меня в шок, который перешел в депрессию. Куда-то улетучились планы по завоеванию значимого места в этом мире, и все силы уходили на учебу. С другой стороны, это было не так уж плохо – за два месяца пребывания в Лугусе я ознакомился с местными обычаями, а также поднаторел в языке и даже научился читать. Именно с этой целью я и направлялся в большую книжную лавку, которая находилась в центре купеческого квартала.

В этот квартал я добрался, воспользовавшись паромом через полноводную Дольгу – главную реку государства. Если посмотреть с высоты птичьего полета, то столица выглядела как своеобразный цветок. Посредине неровный круг самого города в обрамлении высоких стен – история у Лугуса была очень беспокойной. К городу примыкали кварталы-пригороды, также обнесенные солидными стенами. Вверх по течению Дольги, параллельно друг другу, на разных берегах на-

ходились купеческий и первый магический кварталы. В одном жили и держали свои склады купцы, а во втором размещались магические школы, жилье самих магов и другие учебные заведения, в том числе «школа поводырей». Вниз по течению такой же парой расположились еще два квартала-лепестка: мастерской и второй магический. Такое расположение оправдывало себя – Дольга текла через центральную часть города, не замутиренная промышленными отходами, которых изрядно вытекало из сливных систем как обычных, так и магических мастерских. Еще два квартала уходили перпендикулярно от реки. Там находились спальные районы и места увеселений не очень высокого пошиба. Все дорогие заведения и магазины располагались в центральной части Лугуса.

Сегодня была неделя – в смысле воскресенье, последний день седмицы, – так что после утренних занятий я оказался совершенно свободен. На вечер планировались развлечения, а день можно было потратить на самообразование. Вот так я и жил последние два месяца – по графику, ровно и особо не заботясь о будущем, но именно в этот день моя размеренная жизнь и дала трещину, даже целых две.

– Молчун! – послышался справа знакомый голос.

Я повернулся и увидел Олана, точнее эрла Олана Мак Тараниса. Приставка «эрл» прилагалась только к кельтским дворянам. Не помню, чтобы в культуре земных кельтов были подобные титулы, но если их и не было, то наверняка «одол-

жили» у соседей-скандинавов. Славяне оставались верными себе и называли своих дворян князьями и боярами. Впрочем, несмотря на разницу культур, в разговоре было вполне уместно назвать брадарского эрла боярином, а ярла князем.

Олан находился в компании еще нескольких молодых людей, но только у него на виске имелась татуировка дворянина.

Да, стоит уточнить, что обращались именно ко мне. Вот бы посмеялись в цирке, узнав, что меня называют Молчуном. Плохое знание языка и нежелание ляпнуть что-нибудь оскорбительное в чужом мире заставили меня думать о том, что вылетает изо рта. Так что теперь я Молчун.

– Молчун, иди к нам. – Олан даже привстал от усердия.

Подойдя ближе к летней площадке уютного кабачка из разряда «культурных заведений», я увидел, что не все рады моему присутствию. Как минимум Берислав Деянов энтузиазма не излучал. Берислав и Олан были моими сослуживцами-товарищами, но на дружбу наши отношения не тянули. И если дворянин кельтского происхождения Олан, обладая легким нравом, был со мной доброжелателен, то Берислав считал меня лишним как на этих посиделках, так и в их компании вообще, но возразить своему именитому другу не решился.

– Милые девушки, позвольте представить вам моего друга Владислава Воронова.

Моя фамилия не вызвала у девушек удивления, потому

что некоторые славянские фамилии возникали от прозвищ, а не имен основателей родов.

Похоже, назревает приятное знакомство, но только приятное, потому что интрижка не получится. Три сидевшие за столом девушки явно происходили из богатых купеческих семей, а там все было очень строго. Олан хотел уравновесить компанию еще одним мужчиной, но, присмотревшись, я понял, что три пары не получится, а наоборот – образовывается многоугольная любовная фигура. Одна из девушек изрядно превосходила своих подруг не только красотой и обаянием, но и умом.

Зря Олан это затеял. Берислав и так ревниво поглядывал на улыбающегося девушке товарища, а тут еще мой приход. А конфликт неминуем, потому что я буквально утонул в голубых глазах незнакомки. Но, до того как ухнуть в этот омут, мне удалось заметить, что отдаю свое сердце очень благо-разумной особе, – о чем говорил и умный взгляд, и легкие складки в углах губ. Складки, которые образуются от частого использования презрительной улыбки. Но в данный момент это лицо излучало любопытство, с ноткой иронии и глубоко упрямой искоркой желания. Именно эта искорка прожигает в мужских душах здоровенные дыры. Я почувствовал себя мотыльком, на свою же беду слишком сообразительным, чтобы не понять, чем закончится восторженный полет к огню.

Что-то меня на поэтические образы потянуло, клиника,

однако.

– Владислав, познакомься, это Нара, Триста и Ровена.

Ну конечно, кто бы сомневался, кому принадлежит имя Ровена – королева. Да и Олан произнес его едва ли не с придыханием.

– Вы тоже поводыр? – лукаво улыбнувшись, спросила Ровена. Если ее подружки отводили глаза и хихикали, то эта хищница прочно увязала наши взгляды.

– Да, – выдавил я из себя.

– Ваш друг не многословен, – «отпустив» мой взгляд, она взялась за беднягу Олана.

– Это о многом говорит, – с легкой издевкой сказал Берислав. Его спокойствие объяснялось непробиваемым эгоизмом и уверенностью в собственной неотразимости. Он был хорошо сложен и своими серыми, с поволокой глазами покорило много красавиц. Но сейчас он нарвался на слишком зубастую добычу.

– Не уверен, на что именно ты намекаешь, но в отличие от нас с тобой наш друг идет в книжную лавку, – поспешил мне на помощь Олан.

– Вы любите читать, Владислав? – тут же оживилась Ровена. – Вам известны работы Мапоноса Мак Одхана или вы предпочитаете более романтического Бажена Бояна?

Так, соберись, а то распустил тут слюни как идиот!

– Увы, прекрасная Ровена, я не так давно научился читать на брадарском языке, впрочем, как и говорить. Пока меня

интересуют только работы историков и географов, но обязательно прочту творения названных вами авторов.

Когда я признался в своей малограмотности, Берислав фыркнул, но затем быстро растерял свое веселье.

– Вот тогда нам точно будет о чем поговорить. – Ровена сгладила резкость своих слов лукавой улыбкой. – Увы, друзья, но нам пора. Родители будут волноваться. К тому же долгое общение с мужчинами может плохо сказаться на нашей репутации.

Девушки встали и выплыли из огороженного пространства летней площадки.

Пока они не исчезли за поворотом улицы, мы втроем тупо смотрели им вслед. И только когда изящные фигурки в легких сарафанах перестали притягивать наши взгляды, смогли хоть что-то сказать.

– Хороша, – восторженно выдохнул Олан. – Молчун, ты с нами?

– Нет, пойду все-таки почитаю.

– Этого, как его там... Бояна? – не удержался от издевки Берислав.

– Нет, мне и без романтических опусов есть чем заняться, – пожал я плечами и, махнув рукой Олану, направился к первоначальной цели. Терпеть кислую физиономию Берислава не было никакого желания. Уж лучше действительно отвлечься чтением.

Но какова чертовка! Только сейчас, когда магия ее взгля-

да не влияла на меня, стало кристально ясно, что она играла с нами как кошка с мышками. Мозг вопил, что нужно бежать подальше от этой ведьмы, а вот сердце пыталось перехватить управление ногами, чтобы бежать следом. К счастью, коды управления находились во власти мозга, и я направился в сторону книжной лавки.

Пройдя по зеленеющей виноградными листьями улице, я вышел на площадь Медников. Самих чеканщиков здесь, конечно, не было, а только магазины и жилища тех, кто торговал товарами из этого металла. Справа по ходу моего движения возвышалась громада часовой башни, выстроенная из серого камня и облицованная мраморными панелями. Да, это была именно часовая башня, но в непривычном землянам поминании. У самой крыши башни на каждой из ее четырех граней имелся белый квадрат, на котором черными камнями была выложена руна «десять», а это значит, скоро полдень – в местных сутках было двадцать два часа.

Через некоторое время черные камни начнут на первый взгляд хаотичное движение по белому полю, чтобы выстроиться в цифру «одиннадцать». Как это работает, я понятия не имел, одно слово – магия.

После площади мне пришлось пройти еще два квартала и оказаться на улице Книжников. В самой ее середине находилась лавка Казоира Мак Идена.

Дверь в лавку была обита дорогим сиреневым деревом, что говорило о богатых товарах внутри здания, что не уди-

вительно, ведь книги в этой лавке были до безобразия дорогими. Потому что в основном являлись рукописными.

«Бинго!» – тут же воскликнет любой попаданец, почувствовав наживу. Но нет – книгопечатание в этом мире было известно, и все же почему-то в Брадаре сложилась традиция печатать только всякую макулатуру вроде любовных романов, а серьезные труды переписывались каллиграфами.

– Приветствую вас, вой Владислав, – отреагировал на звонок дверного колокольчика торговец. Он как-то неуверенно посмотрел на меня, так до сих пор не решив, как ко мне относиться. Торговец не мог осознать, потерял он от знакомства со мной или что-то приобрел.

– Удачного вам дня, мэтр Казоир, – максимально доброжелательно улыбнулся я в ответ.

Кстати, странное имя для торговца книгами. Казоир на кельтском языке означает «воин». Что же касается наших обращений друг к другу, здесь тоже имелись свои тонкости. Мастеров, как обычных, так и магических, называли просто «мастер», торговцев выделяли словом «мэтр», ну а воинов любого ранга называли «воями».

Больше не говоря ни слова, я спустился в подвал. Но не стоит думать, что слово «подвал» подразумевало сырость и мрак. В этом подвале было сухо и светло. Причем, чтобы не повредить страниц ценных рукописей, использовались магические светильники. Эти своеобразные артефакты были похожи на шары флуоресцирующего пластика, но давали

несоизмеримо больше света.

В подвале уже находились три человека — два молодых студюоза и клерк средних лет.

Нужная мне книга была довольно приметной, так что долго искать ее не пришлось. Присаживаясь за один из двух оставшихся свободными читальных столов, я улыбнулся. Еще два месяца назад здесь не было ни этой мебели, ни этих читателей. Столкнувшись с проблемой дефицита информации, я отправился в книжные лавки. К этому времени мне хоть и по слогам, но удалось разобраться с письменным брадарским.

Увы, все оказалось намного хуже, чем я ожидал. Печатных книг было в изобилии, но все они представляли собой увеселительные романы, а вот серьезные труды в этом мире было принято писать от руки. В чем причина подобного казуса, непонятно. Хотя можно предположить, что из-за малочисленности читательской аудитории гонорары писателям могли держаться на солидном уровне лишь благодаря высокой цене за один экземпляр, а подобный подход обеспечивал эту цену, по крайней мере мне так казалось на тот момент.

Увы, такой метод хранения информации сильно затруднял мне поиск нужных для жизни в другом мире сведений. Как таковых библиотек здесь не было, если исключать частные и университетские, куда меня никто не пустит. Именно поэтому пришлось обратиться к мэтру Казоиру. Сначала он упирался, но, увидев, как я обращаюсь с книгой, вооружив-

шись тонкими шелковыми перчатками, душа торговца дрогнула – получить немного серебра на пустом месте оказалось слишком уж соблазнительным.

Посмотрев на своих соседей, я улыбнулся еще раз – уверен, услуга проката книг скоро появится и в других лавках.

Так, теперь займемся чтением. Конечно, подмывало сразу поискать одного из названных Ровеной авторов, но вдали от ее прекрасных глаз любовная лихорадка оставила меня, не мешая здравому смыслу.

Почти полтора месяца постоянных посещений этого подвальчика облегчили мой кошелек, но при этом не только улучшили познания в языке, но и обогатили важной информацией. Начал я с географии. О том, сколько континентов имел этот мир в действительности, прочитанные мною книги умалчивали. Хорошо исследован был только один, еще об одном свидетельствовали диковинные предметы, рассказы мореплавателей и чернокожие рабы. Также ходили мифы о Восточном континенте, но это были только слухи.

Обжитый континент населяли в основном люди. Да, именно в основном, потому что имелись здесь и нелюди, причем «птицами»-хорохами дело не ограничивалось.

В свое время «животворящие» колодцы были разбросаны по всей Земле, так что неведомые «благодетели» заселили этот мир довольно густо. Судя по количеству только славян, одним колодцем у вятичей дело не обошлось. Изначально это был дикий винегрет из разных славянских и родственных

им племен, но так как невольных эмигрантов было не так уж много, сейчас их потомки выступали единым фронтом под общим названием.

Попаданцы из Ближнего Востока образовали на западе континента мусульманское государство Аравия. В восточной части поселились выходцы из Индии, но об этом государстве в доступных мне источниках говорилось мало. На севере континента расположилась россыпь мелких государств и племенных союзов, которые населяли одичавшие скандинавы и другие северные народности с Земли. Ни грозы, ни пользы от этих народов основным государствам не было. Особняком на островах жили потомки викингов.

На огромном полуострове под названием Ландо «высадились» представители множества племен с общими корнями. Они долгое время варились в собственном соку и, закончив эту варку, вернули себе исконное название «кельты», причем в плане религии среди них были как христиане, так и приверженцы друидизма. Вдалеке от мощной поддержки своих единомышленников христиане вели себя достаточно либерально. И только в последнее время, опираясь на королевскую династию, начали активную агитацию.

С течением столетий политическая карта этого мира менялась. Постепенно весь юг континента – в основном огромный полуостров Ландо – и треть центральной части континента заняло государство Брадар. Ранее на этой территории жили славяне – леса центральной части континента; кельты

– полуостров Ландо и гунны – южная часть континента вне полуострова, включая устье самой крупной реки континента Дольги. Все началось с того, что быстро расплодившиеся гунны стали слишком опасными соседями.

Понимая, что совладать с гуннами в одиночку невозможно, славяне и кельты объединились. С арабами разговор не получился – они сами были не против захватить кого-нибудь.

Военный союз оказался удачным, и скоро государство гуннов попало под союзный протекторат. Еще через двести лет государство Брадар приобрело цельный вид. Однажды у великого князя славян и короля кельтов из прямых наследников остались только сын и дочь – причем по политическим мотивам история умалчивает, к какому народу принадлежал первый король, а к какому королева. В итоге наследник этого брачного союза стал правителем объединенного государства. Чтобы не наводить людей на ненужные мысли, с тех пор у королей не было фамилий, только имена, которые также брались из разных источников.

В тысяче километров на юг от устья Дольги лежал большой остров Хоккайдо. Как становится понятно из названия, там поселились японцы. Именно благодаря их наследию, постовым у ворот моей школы приходится париться в самурайских панцирях, а мне носить такие странные одежды. По той же причине все магические звери в этом мире носят японские названия. Именно на острове появились первые повов-

дыри, впрочем, как и сами магические звери.

Теперь что касается нелюдей. С севера на юг гигантский полуостров Ландо пересекала гряда гор под названием Лорх. Язык можно сломать, особенно когда произносишь словосочетание: Лорхские горы. И все из-за того, что обжившие эти горы существа говорили на зубодробительном наречии. Это были гномы, причем не хильяки из германских сказок, а словно сошедшие со страниц книг Толкиена угрюмые крепыши. Людей они сторонились, но полностью не изолировались – вели торговлю и даже кое-какие военные действия.

Помимо гномов в этот мир попали яхны – таинственный народ магов. Причем появились они через человеческие и гномьи порталы. Сначала этот таинственный народ жил по всему континенту, обучая магии и людей и гномов, но затем яхны начали переселяться на Хоккайдо, под крылышко нихонского императора. В данный момент теперь уже остатки нихонского народа расселялись по континенту, а Хоккайдо стал мертвым островом, ежегодно приманивающим к себе сотни охотников за сокровищами погибшей цивилизации. Назад возвращаются единицы, остальные становятся пищей для новых хозяев Хоккайдо. Магический народ яхнов исчез в катаклизме, сделавшем столицу острова проклятым городом, оставив нам в наследство своих рабов хорохов – тех, кого я называл «птицами».

Именно эту информацию мне и удалось почерпнуть сегодня, изучая рукописный альманах славянского историка Го-

рана Витомировича. В объемной книге имелись даже иллюстрации созданий, которых почти никто в Брадаре, конечно, кроме поводырей, не называл иначе как чудовищами. У них имелось общее название – «они», с ударением на первый слог. Так же как и остальные термины поводырей, это слово было почерпнуто из японской, точнее, нихонской мифологии. Кстати, своих будущих подопечных я пока видел только на иллюстрациях, потому что основная база корпуса находилась в двух днях хода речного дракара вверх по реке.

Местные христиане, по обрядам больше похожие на католиков, чем на православных, почему-то считали они дьявольскими созданиями, но вынужденно терпели их ввиду полезности. Кстати, птицеобразных хорохов они тоже недолюбливали.

Увлечшись чтением, я не заметил, как прошло три с половиной часа, и, поднявшись на первый этаж, увидел, что книготорговец внимательно всматривается в значки на песочных часах. Казоир готовился к жаркой торговле, но лишь рассерженно пожевал губами, когда я без разговоров выложил на стойку четыре серебряные гривны. Название денег в Брадаре возникло так же, как и у земных славян, от нашей украшения «гривны», которое на заре местного государства часто пускали в оборот как денежное средство. Теперь же они приняли привычный вид монет – бронзовых, серебряных и золотых.

– Да, совсем забыл. Мэтр, у вас случайно нет работ Мапо-

носа Мак Одхана или Бажена Бояна? Я искал их на полках в подвале, но не нашел.

– И не удивительно, – фыркнул книготорговец. – Подобной пачкотни там не найти. Книги этих сопливых писак я держу наверху. Они отпечатаны на станках, потому что популярны лишь у барышень, а гривен им вечно не хватает.

Книготорговец подошел к полке и взял оттуда две тоненькие брошюры. Причем обратно он нес их так, словно боялся запачкаться.

– Серебряный и шесть медяков за все. Не думал, что вас интересуют подобные вещи.

Цена была вполне нормальной для печатных изданий, и я, рассчитавшись, покинул лавку под осуждающим взглядом книготорговца.

Интересно, чего это он? Неужели Ровена увлекается порнографией – иначе гримасу торговца объяснить было нельзя.

Кабак «Усталый Барсук» находился всего в трех кварталах от лавки, поэтому я добрался туда еще до заката. Как ни странно, мои товарищи еще не появились. Так что было время бегло осмотреть покупку. Для этого я выбрал столик прямо под большой люстрой – сложной конструкцией со множеством масляных ламп.

Хм, довольно интересно. Никакой порнографией любимые авторы Ровены не баловались. Это даже не женские романы, а скорее романтическая поэзия. Мапонос Мак Одхан «оперировал» чуть тяжеловатой рифмой, а вот славянин со

знаковой фамилией Боян по стилю очень напоминал Шекспира. Конечно, мое знание языка пока не позволяло оценить все тонкости, но слог был недурен. Сам я не люблю слезливых стихов, что не мешает восторгаться творчеством Шекспира.

– Что, пытаешься подъехать на кривой козе слюнявых стишков? – послышался над головой ехидный голос. Берислав стоял возле выбранного мной столика и криво улыбался.

Я бы уже давно разругался с ним, но его подколки пока не переходили границ приятельской пикировки, а ссориться с единственными товарищами не хотелось. Других у меня пока не было, а информацию о местных реалиях необходимо пополнять, причем регулярно.

– Да брось ты собачиться, – как всегда, попытался сгладить острые углы Олан, подошедший от стойки с кувшином пива и тремя кружками. – Уверен, ты сам пел бы под ее окнами строки Бояна, если бы смог заставить себя прочесть хоть пару страниц.

– А ты, похоже, прочел? – тут же набычился Берислав.

– Да, а как еще прикажешь охмурять ласточек из благородных домов. Кстати, гулящим девкам бред Мак Одхана нравится не меньше, чем эрлинам и княжнам. – Олан поставил кувшин на стол и тут же принял одухотворенную позу. – «Изгиб твоей улыбки чуждой наполнен сладкой страстью, как обещанье неги, как предвкушение счастья». Запо-

минай, Берислав, на дамочек действует убойно.

– Да идите вы. – Берислав с хмурым видом налил себе в кружку пива и опустошил ее залпом.

Как только мы расселись, прибежала смешливая официантка и переставила на стол со своего подноса сковородку с шипящими колбасками, тарелку с нарезанными овощами и глубокую пиалу с орешками. В другое время я бы уделил девушке внимание, как это бывало не раз, но не сейчас – глаза Ровены не давали покоя. Похоже, у остальных было аналогичное настроение.

Не знаю, случилось бы то, что произошло чуть позже, если бы мы пребывали в более благодушном состоянии? Или это судьба?

На столе появился уже третий кувшин, а столешницу покинула пустая сковородка, когда в практически заполненном зале кабака появилась довольно колоритная парочка. Первым в низкий дверной проем вошел лысый мужик в ниспадающей до середины бедра кольчуге. Из защиты на нем была только эта кольчуга, словно оборванная с левой стороны, там, где висел похожий на саблю клинок, а также короткие щитки на предплечьях. Вслед за лысым в двери вошел совсем молодой парнишка. На его виске красовалась татуировка, а на губах играла презрительная ухмылка. В руках дворянин, судя по такой же, как у Олана, татуировке, эрл, находился только короткий жезл. Брони на нем не было, лишь модный кафтан сине-красных расцветок.

Лысый осмотрелся вокруг. В зале оставалась еще пара свободных столиков, но он их проигнорировал, а направился прямо к нашему.

— Мой господин желает занять этот столик, — без обиняков заявил он нам.

— А не пошел бы... — начал злой и изрядно захмелевший Берислав, но был остановлен Оланом.

— Успокойся. Вой, — обратился он к лысому, — ты внимательно осмотрел мое лицо?

Лысый только криво ухмыльнулся.

— Я не хочу ссоры, но если вы узнаете, кто мой господин, то не станете выпячивать ни свои родовые знаки, ни гонор. В этом зале еще есть свободные столики.

— Вот и шел бы ты туда со своей подружкой! — не выдержал Берислав, схватившись за горлышко кувшина.

Но оторвать сосуд от стола ему не удалось. Словно атакующая кобра, лысый ударил Берислава в нос. Брызнула кровь, и мой товарищ схватился за лицо. Я как встал, так и сел обратно на скамью, пытаясь вдохнуть воздух после удара под дых. Третьим свою порцию «нравоучений» получил Олан. Как это произошло, я не заметил, — только в воздухе мелькнули ноги, обутые в дорогие, но уже поношенные сапожки. Род Олана никогда не отличался богатством, о чем говорила его одежда и обувь.

Пока мы получали плюхи от незнакомца, пришел в себя Берислав и конечно же сделал очередную глупость. Выхва-

тив меч, он чуть отпрыгнул назад и резко ударил параллельно столу. Лучше бы он этого не делал. Я не успел заметить ни того, как сабля лысого покинула ножны, ни как она вернулась обратно. В воздухе разлился звон, и меч Берислава воткнулся в деревянный потолок.

Побледневший и мгновенно протрезвевший Берислав отшатнулся, выставя вперед руки, словно ими можно было остановить удар сабли.

Наконец-то ухватив глоток воздуха, я на секунду задумался над своими дальнейшими действиями. Нападать было глупо, но...

А, да ну вас всех к такой матери!

Увы, выхватить меч мне не удалось. Я только оторвал пятую точку от лавки и тут же нелепо застыл раскоряченным изваянием. Не двигалась ни единая мышца моего тела. Даже голову повернуть было невозможно. Хорошо хоть глазные яблоки по-прежнему работали. С трудом скосив глаза, я увидел, что на моем плече лежит оголовье посоха юного дворянина.

– Совсем обнаглели, черви? Вы такие же тупые, как ваши чудовища. Кто вам позволил вякать в присутствии Высшего?

Маг заглянул мне в глаза, и я почувствовал, как мозг буквально утопает в дикой смеси стыда и бессильной злобы. Неожиданно живот пронзила сильная резь. Неимоверными усилиями мне все же удалось противостоять коварной задумке мага и не опозориться на всю оставшуюся жизнь.

Впрочем, скорее всего, меня спасли слова лысого.

— Мой господин, не стоит тратить силы на этих недостойных, к тому же магистр будет недоволен.

Похоже, мальчишка все же боялся этого неведомого магистра, потому что практически сразу отступил на шаг назад.

Какое счастье, когда твое тело подчиняется тебе, а не кому-то еще!

Дальнейшее я помню смутно — как-то мы все же выбрались из кабака, причем Берислав умудрился забрать свой меч.

В школу возвращались молча, так же, как и занимали свои койки в казарме. Еще не скоро мы сможем смотреть друг на друга, не вспоминая свой позор.

Не знаю, как моих товарищей, но меня этот день словно выдернул из сладкой дремы. Сначала встреча с Ровеной, которая напомнила мне, что в этом мире я никто и звать меня никак — перспектива поводыря, как оказалось, не очень радужна из-за предвзятого отношения окружающих, — так что любимой женщине мне предложить нечего. Но даже понимание этого меркло на фоне бессильной злобы, которая поселилась во мне по отношению к магам.

Никто, мать вашу, не смеет распоряжаться моим телом! Меня можно пытаться и даже убить, но только не это. А вот ловкость мечника если и вызывала гнев, то только на собственную неуклюжесть.

Следующий день стал для меня первым днем новой жиз-

ни. Как бы это странно ни звучало для того, кто уже несколько месяцев живет в неродном мире. И первое, о чем я подумал, — это об оружии. То, что было у меня в данный момент, совершенно никуда не годилось.

Приглушенное звучание колокола за стеной казармы возвестило о начале утренней зарядки. Мы лениво начали одеваться в свободные рубахи и шаровары. Никакого сравнения с побудкой в родных пограничных войсках. Даже по сравнению с учебной частью в княжестве то, что творилось в школе поводырей, можно назвать курортом.

Немного побегав и попрыгав, мы отправились на завтрак, а затем на теоретические занятия. Здесь нам рассказывали о повадках бони и правилах поведения с этими существами.

Они по сути своей являлись магическими мутантами, причем очень дорогими. Возможно, во времена расцвета магии на Хоккайдо все было по-другому, но сейчас процесс появления боевого зверя в рядах корпуса поводырей состоял из двух этапов. Сначала казна выкупала у искателей сокровищ — тех, кто сумел выжить в островном кошмаре, — яйца одичавших чудовищ, а затем хорохи высоких рангов инициировали изменения в зародыше. Кстати, хорохи низких рангов — более тупые и ленивые — очень часто управляли тягловыми бони: в воде угри-акаяси, а на суше небоевой модификацией хах-ковай. Старшие нелюди занимались ментальной магией и инициацией зародышей, занимая высокое положение в обществе. Но при этом никто даже не думал о том, чтобы

пускать хороша-раба в седло боевого бни. Этой привилегией пользовались только люди с особым даром.

После инициации проходил очень быстрый рост малыша, который, вылупившись из яйца, уже представлял собой опасное существо.

Я не биолог, поэтому не могу сказать, к какому виду или классу принадлежат бни, но из теоретических уроков понял, что существа эти хладнокровные, часто впадают в летаргический сон и легковнушаемые.

Учеба давалась мне легко, чего нельзя сказать об остальных. При этом даже возникал информационный голод, который приходилось утолять в лавке книготорговца. Исходя из небольшого объема преподаваемого материала, возникало подозрение, что главную информацию о подопечных мы будем получать, так сказать, на практике, которую мы ждали с нетерпением. Но и здесь крылся изрядный облом.

По большому счету всем нам светило забраться на спину своего зверя лет этак через пять, потому что новые яйца появлялись в королевстве довольно редко. Большинство курсантов, прослужив помощниками поводырей, получают в свое распоряжение хах-ковая в комплекте с двумя коваями. Некоторые станут разведчиками и оседлают верховых коваев – раскормленную версию обычных симбионтов. Ну а счастливики сумеют получить в свое распоряжение хидоя и стать наездниками, что очень почетно. Пока все эти названия были для меня пустым звуком. И даже иллюстрации не позво-

ляли осознать, с кем придется столкнуться в будущем.

После урока теории, на котором уже месяц как не присутствовал мой персональный «птиц»-переводчик, наша рота в составе пятнадцати человек направилась на «выездку» – самая неприятная часть дневной учебной программы.

В большом зале, который скорее напоминал ангар, чем спортзал, были установлены своеобразные тренажеры – большие каркасные конструкции с седлом сверху, которые олицетворяли наших будущих подопечных. Здесь были представлены макеты и ездовых коваев, и хидоев, но тренировались мы в основном на трехметровой высоты манекене хох-ковая.

– Молчун, в седло, – прозвучала команда инструктора, отвлекая меня от размышлений.

Немного растерявшись, я забыл плотнее затянуть ремни на броне, поэтому делал это на ходу. А в это время на полу возле макета с кряхтением вставал на ноги парень по имени Борщ, а по прозвищу Зеленый. Кстати, на старославянском слово «борщ» отнюдь не означает то, о чем подумает мой современник, так называли ботву растений, отсюда и прозвище. Впрочем, парень и без имени выглядел молодым и зеленым.

Быстро вскарабкавшись на конструкцию – за два месяца под палкой и не такому научишься, – я закрепил себя в седле.

– Готов? – спросил инструктор, одновременно с этим стегая невысокого ослика палкой, которой, кстати, не раз при-

летало и мне.

Интересно, а почему в магическом мире используют такой примитивный движитель?

– Го... – Ни додумать, ни договорить я не успел, потому что усилие животного, переданное тренажеру с помощью ремней и блоков, привело конструкцию в движение.

Это словно попасть на родео и оседлать быка.

– Давай! – скомандовал инструктор.

Я тут же дернул застежку ремней, которые удерживали меня верхом на бешено дергающейся конструкции.

Так, сгруппироваться и-и-и-и! Утяжеленное доспехами тело рухнуло на деревянный пол и покатилося к стене. С большим трудом мне все же удалось разобраться, где голова, а где все остальные конечности, и выйти из переката на ноги.

– Да, Молчун, вроде нормально встал на ноги, но все равно упал как мешок с ковайскими отходами. Заставить бы тебя побегать, но у вас с Погремушкой пока что получается лучше всех, если это можно так назвать. Следующий! – тут же завопил инструктор, теряя ко мне всякий интерес.

Мне же осталось лишь отойти к скамейке, проверяя, не ослабли ли ремни, и высчитывая, сколько в моей коллекции появилось новых синяков. Возможно, когда-нибудь, вылетая из седла бьющегося в агонии хах-ковая, я поблагодарю инструктора, но точно не сейчас, ведь сегодня мне предстояло еще девять «приземлений».

После обеда у нас был небольшой отдых и урок управле-

ния. Настоящих бони под рукой не было, поэтому мы тренировались на детенышах хорохов. Маленькие существа были похожи на птиц значительно больше своих взрослых сородичей, мозгов у них практически не было, и поэтому «птенцы» были легкоуправляемыми.

Посреди небольшой аудитории, построенной в виде амфитеатра, имелась крошечная арена с лабиринтом. У начала лабиринта прямо на песке сидели маленькие хорохи. Оба птенец тупо пялились по сторонам, моргая своими необычными глазами.

Наш учитель – старый поводырь – одобрительно улыбнулся мне и кивнул на птенцов. Я почувствовал недовольство сокурсников – выскочек не любили ни в том мире, ни в этом. Подобные приступы эмпатии иногда возникали у меня, когда одинаковая эмоция одолевала нескольких человек сразу.

Что тут поделаешь, придется терпеть, – такова цена за место первого в классе. Да, мне действительно лучше вех удавалось управлять маленькими хорохами. Возможно, мое первенство долго не продлится, ведь никто из нас еще не прошел «пробуждение».

Напрягшись, я «нащупал» мыслью сознание хороха и заставил его двинуться по лабиринту.

– Четверть меры, – довольно заявил преподаватель, указывая на песочные часы. В Брадаре время измеряли мерами песка в песочных часах, поэтому у эталона веса и времени были одинаковые названия. По моим ощущениям одна мера

времени была чуть больше часа, но ненамного.

Улыбнувшись похвале, я с сожалением посмотрел на птенцов – беднягам еще придется намучиться. И в основном им достанется от добряка Олана. Увы, его добрый нрав не компенсировался талантами поводыря. Кстати, вторым в этом предмете после меня был Берислав.

Сразу после занятий по управлению мы направились на фехтование, и на меня с новой силой навалились вчерашние переживания. Увы, проведенное в фехтовальном зале время в очередной раз показало мою никчемность как мечника, что вполне закономерно, ведь этому предмету в учебной программе выделялась лишь пара занятий в седмицу. В корпусе вообще считалось, что оружие поводыря – это его зверь, а разные железки нужны только для вида и отпугивания воров. Лучшее всех в нашей группе мечом орудовал Олан, что было неудивительно для дворянина.

Бою на мечах нас обучал бывший тяжелый пехотинец из отрядов прорыва. Он отработывал свои деньги с лентой, так что рассчитывать на качественный прогресс в обучении не приходилось, а на частные уроки у нас тупо не хватит денег.

Похоже, мысли в головах нашей троицы вращались одинаковые, потому что все остались после занятия в фехтовальном зале.

– Парни, натаскать вас так, чтобы вы смогли противостоять мечнику из кабака, я все равно не смогу, – вздохнул Олан, отвечая на незаданный вопрос.

– Но научи хоть чему-то, а то обделались, как малыши, – со злостью заявил Берислав.

Он-то не знал, что пришлось пережить мне, «общаясь» с магом. Вся его ненависть была направлена на лысого телохранителя, а вот я искал хоть что-то, что можно противопоставить магу. Впрочем, чего уж скрывать – оба наших стремления были из разряда несбыточных мечтаний.

Еще полчаса бестолковых маханий имитирующими мечи палками лишь подтвердили первоначальный вывод.

– Владислав, все бесполезно. Нормального мечника нельзя выучить ни за год, ни за два. Берислав хоть и нечасто, но с детства учился фехтованию, и даже из него толку будет мало.

Новость была невеселой, но слова об обучении с детства задели меня. Ничего не объясняя, я пошел в кладовку и среди всякого хлама нашел обломок учебного копья. Для моих нужд он был толстоват, да и длина не подходила. С диаметром древка ничего не поделаешь, зато подогнать длину удалось с помощью меча и такой-то матери. Получился шест высотой по мое плечо.

Вернувшись в очерченный посреди деревянного пола круг, я стал в боевую позицию.

– Давай еще раз.

Олан равнодушно пожал плечами и резко шагнул вперед. Как выяснилось через пару секунд, рефлексy никуда не делись, а вот мышцы иногда не доводили удара или чуть запаздывали, но разминка уничтожила бы эффект неожидан-

ности, так что пришлось рискнуть. Косой удар меча Олана я принял на передний край палки и в провороте увел клинок соперника в сторону, затем качнулся в быстром шаге вперед, нанеся удар небоевым концом шеста в живот спарринг-партнера. Еще один проворот шеста, и хлесткий удар боевым концом вдоль ребер Олана.

– Что это было? – удивленно спросил Олан, прижимая руку к ушибленному даже сквозь защитный жилет боку.

– Да так, в детстве один человек учил меня работать с такой палкой.

– Давай еще раз.

Я выиграл еще две схватки, в третьей мы обменялась «смертельными» ударами, а вот дальше в основном побеждал мой друг, несмотря на разницу в длине оружия.

– Это уже лучше, – заулыбался мой друг.

– Подумаешь, – фыркнул непонятно чем разозленный Берислав. – Ты что, будешь постоянно таскать с собой это дышло? Да любой мечник настрогает из этой палочки кучу щепок и запихнет их тебе в одно место.

– Не хочешь потренироваться? – вместо ответа спросил я, проворачивая в руках вышеупомянутую деревяшку.

– Обойдусь, все равно без толку.

На этом наши эксперименты закончились, и мы отправились в школьную баню. Местный «помывочный пункт» совместил в себе как японскую, так и русскую культуру – имелась хорошая парная с вениками, а рядом неглубокий бас-

сейн и маленькие скамеечки у кадушек.

И детали одежды, и стилистика в постройках были неслучайными. Все дело в том, что школу, как и весь корпус, основали беженцы с Хоккайдо, поэтому здесь было много от нижонской культуры. Старые времена канули в Лету, и теперь в школе не встретишь ни одного раскосого лица, а в обиход проникла русская баня, блюда славянской кухни и видоизменения в одежде. Даже стандартным оружием стала не одна из разновидностей японского клинка, а прямой кельтский меч.

Уже поздно вечером, лежа в кровати, я много думал о сложившейся ситуации. Берислав был прав, но не во всем, потому что кое-чего я своим товарищам не рассказал. Владению шестом я действительно обучался с детства, точнее, с семи лет. Насмотревшись японских боевиков, захотелось приобщиться к восточным единоборствам. Увы, цирковая жизнь и постоянные переезды не способствовали стабильным занятиям ни в обычной школе, ни в спортивной. Если с академическими знаниями все было относительно нормально – отец и директор цирка хорошо подгоняли школьную программу, а все остальное восполняли книги, – то со спортом дела обстояли намного хуже.

Помощь пришла, откуда не ждали. Одной из старых визитных карточек нашего цирка было метание ножей, но после несчастного случая, когда кореец Кан Ден Дек приколот руку своей русской жены к щиту, этот номер был удален из

программы. Возможно, все произошло случайно, а возможно, нет, но после этой истории женщина покинула цирк. Ден Дек, которого отец называл Дундуком, выписал из Кореи новую жену и вместе с ней занялся вращением тарелок. Так вот именно Ден Дек и стал моим учителем. О рукопашной схватке пришлось забыть, но зато я за пять лет научился неплохо махать шестом и бросаться острыми железками. Где-то на третий год наших занятий до меня начало доходить, что обучаюсь не просто бою с шестом, а осваиваю искусство владения нагинатой. Во-первых, в рубящих ударах использовался только один конец шеста, а хваты рук отрабатывались только на половине древка. К тому же однажды удалось подсмотреть, как мой учитель тайком тренируется с короткой нагинатой. Вот эта деталь и давала мне надежду на то, что я смогу использовать свои умения по назначению. Ведь что такое нагината или ее китайский аналог гуань дао, как не меч, посаженный на древко? У славян имелся свой аналог под названием совня, но здесь ничего подобного не наблюдалось.

С этими мыслями я и уснул. Не скажу, что решение проблемы пришло ко мне во сне, но утром в голове созрел план.

Все будние дни седмицы мы с Оланом усиленно тренировались. Мое тело вспоминало прошлые навыки и приобретало новые.

Едва дождавшись выходных, я сразу после утренней зарядки и короткого занятия по управлению побежал в город. Вопросов за последние дни в голове накопилось громадьё, и

все они требовали ответов.

С ходу спускаться в подвал книжной лавки я не стал, а подошел к прилавку.

– Мэтр, мне нужны новые книги.

– Что именно из лирики великих поэтов желает почитать благородный вой? – с легкой иронией спросил книготорговец, явно намекая на мою недавнюю покупку.

– Мне нужно все, что у вас есть о магии и противодействии ей.

Сначала смысл моих слов не дошел до собеседника, а когда его мозг наконец-то осознал, что именно было сказано в стенах его лавки, торговец резко побледнел. Осмотревшись вокруг и не увидев ненужных свидетелей, он немного отошел от испуга, но не полностью.

– Владислав, нельзя задавать такие вопросы слишком громко.

– Это противозаконно? – удивился я.

– Нет, закон об этом умалчивает, но магам подобные слова очень не нравятся. А когда им что-то не нравится... – Увидев, как меня перекосило, торговец понятиливо кивнул. – Похоже, уважаемый вой уже имел дело с недовольными магами. Тем более удивительно, что вы так громко об этом говорите. С другой стороны, становится понятно, зачем вам эти книги. Если бы ко мне пришел кто-то иной, то получил бы отказ, но, зная вашу порядочность, могу предложить интересные тексты. Увы, обычной серебрушкой мы не обойдемся.

– Я понимаю.

Торговец хитро подмигнул, и мы спустились в подвал. Искомые книги лежали отнюдь не на общедоступных полках – одна в запертом сундуке, а другая вообще в отдельной кладовке. Именно в этом дополнительном помещении подвала мне и пришлось заняться чтением. Торговец принес магический светильник и стул, так что я читал с коленок.

Первая книга называлась «Мощь магов» и являлась своеобразным пособием по магическому искусству для «чайников» – именно то, что мне и требовалось.

Магия людей оказалась немного не тем, что мог нафантазировать начитавшийся книжного фэнтези и голливудских киношек обыватель, – никаких управлений погодой и летающих огненных шаров. Как писалось в книге, тело человека – это единственная защита для души, а человеческая аура – все, что способен изменять человек в окружающем его мире с помощью своей магической силы. В общем, маг мог повлиять на что-то или кого-то, лишь когда этот предмет или существо попадет в поле его ауры. Скажете, слабовато для грозных колдунов? И будете правы. Именно по этой причине маги и тратят десятки лет на обучение, постоянно совершенствуясь. Одни увеличивают свою ауру и учатся выпускать своеобразные шупы, но даже самым великим магам едва удастся дотянуться на пару десятков метров. Остальные вообще ограничиваются расстоянием вытянутой руки.

Другие маги используют артефакты, которые как бы ста-

новятся частью их тел и продолжением аур. Именно с таким магом мне и «посчастливилось» столкнуться. Жезл соединил наши ауры, и со мной случился жутко неприятный паралич.

В книге, помимо введения, меня заинтересовал раздел защитных и боевых артефактов. С боевыми артефактами было все понятно – это стрелы, с эффектом гранаты и огненного взрыва. Также артефактами являлись очень острые мечи, непробиваемые латы и другие апгрейды обычных вещей. Имелись и защитные амулеты, а вот здесь все оказалось сложнее. Мой вспыхнувший интерес тут же угас, когда я прочел, сколько стоит самый простой защищающий от магии амулет – несколько тысяч золотых. Моя стипендия курсанта составляла пять желтых кругляшек в месяц.

Просмотрев первую книгу по диагонали, я перешел ко второй под названием «Магоборцы». Увы, и здесь мне ничего не светило. Этих самых магоборцев готовили с детства и к тому же обвешивали дорогушими артефактами, как новогодние елки игрушками. Надежду внушал лишь последний раздел книги с разными «курьезами».

В одном из описаний автор упоминал о случаях, когда магов убивали метательными топорами северян. Стрелы и метательные ножи маги легко отводили от своих тел, а вот с топорами случались осечки. Скорее всего, дело в кинетической энергии тяжелого предмета.

Возьму на заметку.

Еще в книге вскользь упоминались гномьи руны, но как именно они влияют на магию, оставалось непонятным.

Вернувшись на первый этаж, я увидел, что провел за чтением больше двух мер и серьезно попал на деньги, но желание остановиться не появилось.

– Мэтр, у вас есть что-нибудь про гномов? – помня недавнюю реакцию книготорговца, почти шепотом спросил я и вновь не угадал.

– Конечно, есть, – бодро ответил торговец. – Только изучением этого народа почти никто не занимался. Имеется довольно занимательная книжица, в которой один умный человек свел вместе заметки разных торговцев. Она, кстати, напечатана, так что никак не отяготит даже ваш курсантский карман. Хотя после сегодняшних посиделок даже не знаю, как вы сведете концы с концами. В общем, с вас три золотых и шесть серебряных гривен.

Блин, больше половины моей стипендии! За два месяца я сумел сэкономить всего лишь пять золотых. Еще два взял у Олана. Так что на воплощение в жизнь моих планов остается только три золотых и шесть серебряных монет – здесь считали дюжинами, так что все подгоняли под эту величину.

Печатную брошюрку под названием «Путеводитель торговца» пришлось читать уже в кафе, потому что урчание в животе звучало как угроза нерадивому хозяину от всех частей возмущенного организма.

Подкрепившись пищей и знаниями, я направился на на-

бережную Дольги. В ремесленный квартал проще всего было попасть на лодке. У ворот, пропускающих сквозь себя всех желающих попасть за пределы оборонительной стены на узкую каменную набережную, столкнулся с Оланом и Бериславом.

– О, Молчун, давай с нами. Я тут с утра посылал мальчика с цветами для Ровены, и она прислала ответ, что будет обедать с подругами в три пополудни. – Упоминание довольно изящного хода Олана явно покорило Берислава, но он все же потащился следом за другом на, можно сказать, чужое свидание.

– Может, подойду попозже. – Я повернулся и, прищурившись, посмотрел на далекую часовую башню. – Если успею. Дела.

– Что, Молчун, решил сдаться? Уже не надеешься на стишки?

– Берислав, охота на девушку – это не ловля овцы, тут важно умение и терпение, а не скорость и азарт.

Олан заржал, а Берислав покраснел от злости. В глазах купеческого сынка отразилось желание двинуть мне в морду. Наше товарищество вообще непонятно на чем держалось – скорее всего, на Олане. Обострять отношения с кем-либо из-за тупых подколов совсем не хотелось, поэтому со спором следовало заканчивать.

– Все, парни, мне пора, – махнул я на прощание рукой и убежал через открытые ворота к набережной.

Согласившись на невысокую плату, лодочник пустил меня на борт своего похожего на гондолу суденышка и направил его в короткое плавание вниз по реке.

Высокие стены с одной стороны купеческого, с другой магического кварталов обрамляли могучую реку, но не могли ее сжать даже визуально. Не получилось это и у могучих бастаионов, прикрывавших со стороны реки основной город.

Мимо проплыли несколько ворот в главный город, и вот впереди показались первые ворота ремесленного квартала. Мы держались ближе к правому берегу, так что пристали к каменному пирсу буквально за пару секунд.

Каждый квартал великого Лугуса имел собственное лицо. Торговый район радовал глаз невысокими башенками и остроконечными крышами. В магическом квартале преобладали куполообразные дома. А вот в месте обитания ремесленников в основном строились крепкие квадратные дома с односкатной крышей. Все было каменным и черепичным – огнеопасного дерева почти нигде не видно. Украшательством местные обитатели не страдали, так что ни виноградных шпалер на стенах, ни резного камня. Квартал выглядел серо и уныло. Но даже в этой серости была своя строгая красота.

Ну и куда мне идти?

Ведущая от речных ворот улица сразу ударила по глазам яркими вывесками разных мастерских. Те, у кого было много денег, заказывали все в дорогих оружейных салонах

в основном городе. Покупатели победнее шли в торговый квартал, а вот середняки, считающие, что за качество и индивидуальный подход можно чуть переплатить, обращались именно сюда.

Денег у меня было не так уж много, но при этом заказ являлся очень нестандартным.

Вывески кузнецов, жестянщиков, скорняков и столяров ничем мне помочь не могли. Да и кто на самом деле мне нужен, инженер, что ли? Уже в конце улицы мой взгляд зацепился за вывеску оружейника, горевшую на солнце начищенным металлом, – приколотенные к щиту два перекрещенных меча. Но привлекло мое внимание не это произведение местного рекламного искусства, а небольшая ржавая табличка на стене дома – жестяной квадрат с выбитой на нем молотом и киркой. Это был герб гномьего королевства.

Увы, гномами в приемном отделении мастерской и не пахло. На звон дверного колокольчика отозвался невысокий бородач, несмотря на свой рост и обилие лицевых зарослей, явно бывший человеком.

– Приветствую вас, уважаемый вой, в моей мастерской. Если хотите, можете купить готовое оружие, или же мы с легкостью сделаем его по персональному заказу.

Если бы я пришел за обычным оружием, то наверняка уже направлялся бы к двери. Передо мной стоял человек, у которого к торговле был больший талант, чем к оружейному мастерству.

– Мастер, у меня немного необычный заказ.

– Сделаем все, что угодно, – жизнерадостно заявил бородач.

– Ну не знаю. Если честно, я зашел к вам потому, что увидел знак гномов.

– А, это, – тут же скис оружейник. – Есть такой, да толку от него немного.

– Но все же мне хотелось бы попытаться, – не унимался я.

– А мне что с этого?

Немного подумав, я решил применить уже сработавшую с книготорговцем схему.

– Давайте я возьму у вас займы гнома и его работу за шесть серебряных в сутки.

– Золотой – и делайте с ним что хотите, только не убивайте.

Что-то мне покладистость мастера очень не понравилась. Похоже, с неведомым гномом действительно были проблемы, но слово сказано, и отступить было поздно.

– Два золотых за три дня, и в казармах поводырей все узнают, какой вы хороший оружейник.

– Идет! – Мастер радостно стукнул ладонью по прилавку. – Если, конечно, сможешь уговорить этого упрямца сделать хоть что-то толковое.

– В смысле? Он же раб и не сможет пересилить «наказ».

– Работать-то он будет, но стараться вряд ли. Пучеглазый уродец, запихивавший в голову гнома «наказ», обещал по-

слушание, но не обещал старательности. Эта бородатая тварь уже два десятка лет вспоминает секреты своего рода и места тайников и никак не может вспомнить. Клинки кует, не спору, изрядные, но такие я и сам могу. Так что толку от него немного. Ну что, не передумали?

– Все же рискну. – Я не стал идти на попятную, хотя слова мастера меня порядком расстроили.

– Дей! – Крикнул мастер, и на его зов появился толстый паренек лет десяти. – Проводи воя к гному. И скажи, пусть выполняет все приказы.

Жилье мастера представляло собой трехэтажный дом с подвалом. Именно там и находилось обиталище гнома. Обширное помещение было обложено камнем, а внутри все завалено всякой рухлядью. В углу имелся небольшой горн с наковальней, а рядом невысокий топчан. На топчане, отвернувшись к стене, лежал кто-то невысокого роста.

– Эй, урод, вставай. Отец приказал тебе выполнять приказы этого человека! – противным голосом завизжал малолетний проводник.

Фигура на топчане зашевелилась, и я увидел гнома. Он выглядел именно так, как я и представлял себе этот народ, – метра полтора росту, широкоплечий и весь заросший. Из кудели волос и бороды выглядывали только нос картошкой и злые глаза.

– Крепких тебе рук, мастер, – произнес я вычитанное из заметок торговцев приветствие.

Глаза гнома удивленно расширились, а затем стали еще злее. Его взгляд впился в меня, выискивая издевку. Я выдержал этот напор и прибавил к приветствию уважительный поклон. Всегда ценил мастеров своего дела, а гном был именно таким – это стало заметно с первого же взгляда. Рабство и внушаемый хорохами «наказ» заставили его покориться, но при этом сквозь вынужденную покорность проскальзывали строптивые отблески.

– Да какой он мастер, – фыркнул мальчишка. – Раб, кусок...

– Заткнись, – сжав кулаки, я шагнул к обнаглевшему пацану.

– Если ударите, я пожалуюсь папе, что вы меня лапали.

Ах ты ж вонючка. Ну ничего, в эту игру можно играть вдвоем.

– Если ты сейчас же не исчезнешь, я расскажу, что ты стянул у меня кошелек. Причем говорить буду не с твоим папашей, а со зрителем вашей улицы.

Вот теперь пацан испугался.

– Пошел вон отсюда.

Дождавшись, пока мелкий мерзавец убежит из подвала, я повернулся к гному.

– Надеюсь, моя несдержанность не навлечет на вас беды?

– Навлечет, – спокойно ответил гном по-брадарски с каркающим акцентом. – Но мои глаза и уши наслаждались приятным зрелищем, а оно того стоило. Что привело воя в раб-

скую конуру?

– Дело, мастер. Тому, кто сидит в мастерской наверху, мне сказать было нечего. Вряд ли поймет. – Избегая слова «хозяин», начал я важный для меня разговор.

Где-то с полчаса я пытался донести до гнома свои идеи. Повторять или уточнять не пришлось. У бородатого гнома по имени Гурдаг голова работала намного лучше моей, по крайней мере в отношении всего, что касается оружия.

– Хорошо, мастер-вой, я все понял. Древко сам не сделаю, но схожу к одному знакомому мастеру-человеку. По крайней мере, он не такой урод, как мой хозяин. Завтра зайдете в мастерскую копий и щитов, это через три дома отсюда, на вывеске копьё выкрашено в красный цвет, спросите мастера Бажана и заплатите столько, сколько он скажет. Моему хозяину отдадите три серебряных за бронзу.

Продолжая пояснять, гном сразу взялся за дело – в горн полетела порция древесного угля, и тут же брызнули искры огнива. Перед тем как разжечь уголь, гном поджег табак в трубке, а уже после этого скрученную в жгут древесную кору для растопки.

Вдохнув дым, гном закашлялся и ругнулся на своем языке. Похоже, табак его не совсем устраивал, впрочем, как и рабская жизнь.

– Если это все, мастер-вой, то вам лучше уйти. Крохи уважения и добрых слов только разбередят душу раба. Приходите завтра вечером, все будет готово в лучшем виде.

– Крепких рук и мира в душе, мастер-кузнец, – чуть изменил я стандартную фразу.

– И вам крепких рук, мастер-вой.

Поднявшись на первый этаж, я натолкнулся на взгляды: любопытный оружейника и злобный его сына.

– Ну как, договорились?

– Да, работа не тяжелая, но хитрая, вы получите свое золото.

Хотелось сказать хоть что-то, чтобы облегчить жизнь гнома, но по лицам этих людей я понял, что сделаю только хуже. Впрочем...

– Я заметил, что ваш сын недолюбливает раба. Мне в принципе плевать, но если из-за него гном заперет работу, золота будет меньше.

Вот пусть теперь пацан попробует побороться с родительской жадностью.

– Не беспокойтесь, мое слово верное. Гнома никто не потревожит, пока вы за него платите.

– Вот и чудесно. Я найду завтра вечером, заберу товар и заплачу за работу и металл.

Оружейник возражать не стал, потому что мы оба знали, что ментальный блок под названием «наказ» не даст гному нанести своему хозяину какой-либо вред, в том числе финансовый.

Меня постоянно коробило от процветающего в этом мире рабства, которое стало очень рентабельным благодаря хоро-

хам и их ментальным умениям, но, увы, ничего не мог поделать с этим, так что просто скрипел зубами. Помочь гному можно было лишь выкупом, а денег у меня не хватало, чтобы обеспечить собственную свободу.

На встречу я все же успел. Даже не пришлось бежать. Когда из-за угла показалось знакомое кафе, Олан как раз уговаривал девушек не уходить так быстро.

– Знаете, эрл, мы останемся ненадолго, хотя бы затем, чтобы услышать оправдания вашего друга, – ответила девушка, увидев мое приближение.

Ровена была еще прекрасней в своем васильковом сарафане. Белая блузка с пышными рукавами выгодно подчеркивала грудь, что тоже не добавляло мне спокойствия, но пока удавалось держаться и не пускать слюни, как это уже делали мои товарищи.

– Оправдания вообще глупое занятие, особо если не чувствуешь за собой вины.

– Да? А мне сказали, что вы предпочли какие-то дела встрече с девушками.

Кто бы мог сомневаться, что Берислав не станет молчать.

– Думаю, мужчина, не способный уверенно двигаться к своей цели и придерживаться своих же планов, может заинтересовать женщину только на первых этапах знакомства.

– В этом что-то есть, – лукаво улыбнулась Ровена.

И ее подружки, и мои товарищи как-то выпали из разговора. Олан, похоже, смирился, потягивая эль и любуясь кра-

сотой Ровены, а вот Берислав злобствовал:

– Лучше скажи, что у тебя не нашлось времени, чтобы прочитать пару книжек, потому и прячешься.

– Почему же, хоть немного, но я все же поинтересовался творчеством Мак Одхана и Бояна.

– О, – мило округлила ротик Ровена, – надеюсь, вам, как и мне, Мак Одхан понравился больше.

– Отнюдь. – Я с трудом удерживался в изящной манере изложения на неродном и пока еще не досконально изученном языке, и в этом мне немало помогали вышеупомянутые авторы. – Слог Мак Одхана кажется мне немного тяжеловатым, а вот в стиле Бояна есть какая-то чувственная легкость.

Уф, аж взопрел.

Ровена отреагировала на мой спич звонким смехом, что моментально вывело Берислава из себя. Он раскраснелся как рак и даже привстал со стула, но этот порыв был погашен в зародыше. Ровена лишь коснулась пальчиками сгиба локтя купеческого сына и заглянула ему в глаза.

У меня по позвоночнику словно пробежала ледяная волна, и дело совсем не в ревности, точнее, не совсем в ревности. Я так и не успел присесть за стол, облокотившись на деревянное ограждение, поэтому видел взгляд Ровены. В нем было столько эротизма, желания и тайного обещания, что Берислав моментально сдулся.

Она играла на наших чувствах, как виртуоз на струнах скрипки, и получала от этого особое удовольствие. Не ска-

жу, что почувствовал к ней отвращение, но стало неприятно – никогда не любил манипуляторов.

Ровена словно почувствовала смену моего настроения и тут же засобиравлась уходить. Ее подружки, как привязанные, последовали за ней. На прощание она посмотрела мне в глаза, и если бы этот взгляд был похож на тот, что увидел Берислав, я ответил бы пренебрежением. Но он был другим, особенным, и казалось, так она может смотреть только на меня.

А ведь я купился и понял это только минут через пять после ухода необычной девушки.

Ох, женщины, и что вы с нами делаете?! С другой стороны, дамочка играет с огнем. Тот же Берислав вполне способен подловить ее где-нибудь в темном углу и потребовать все, что было обещано в намеках.

Судя по лицу Олана, он тоже получил свою порцию дурмана – парень горестно вздыхал, рассеянно разглядывая вечерние облака.

– А давайте сходим в бордель, – сам не зная почему, предложил я. Но что-то подсказывало, что это правильное решение.

– У вас нет денег, – как-то беззлобно подметил Берислав.

– Но ты же нам одолжишь? – с обезоруживающей простотой спросил Олан, и купеческому сыну нечего было возразить.

Ночь в веселом доме вернула меня на грешную землю, хотя в сладострастном угаре мне постоянно чудилась Ровена.

На следующее утро я быстро отработал программу выходного дня, а затем заставил своих товарищей задержаться для дополнительных занятий по фехтованию. Олан согласился легко, а Берислав хоть и ворчал, но пошел прицепом.

После занятий мы пообедали в столовой – приходилось экономить средства – и побродили по главной торговой площади одноименного квартала, где в выходные дни было много циркачей. Олан звал на прогулку в главный город, но приближался вечер, а значит, пора идти в ремесленный квартал. Но перед этим я заглянул в лавку, где продавались диковинные товары в огромном ассортименте.

Для начала я заглянул в мастерскую под красным копьем и оставил там четыре серебряные монеты, затем пришел черед навестить гнома. Коротко поздоровавшись с оружейником, попросил проводить меня к гному.

– Крепких рук, мастер-кузнец.

– Крепких рук, мастер-вой.

– Как наши успехи? – спросил я, рассматривая накрытый сравнительно чистой тряпкой стол. Под полотном угадывались различные предметы. Гном явно страдал театральностью.

– Все прекрасно! – Интересная работа очевидно оживила рабскую жизнь гнома. Он торжественно сдернул тряпку. – Я решил не связываться со сталью, хорошая стоит очень дорого. В ход пошла гномья бронза. Мой хозяин уже давно добивается открытия этого секрета, но я его, увы, забыл. Так что

могу только плавить готовый состав.

По улыбке гнома было понятно, что он как-то сумел обойти рабский «наказ» и утаить информацию о создании бронзы. Похоже, старинные традиции оказались крепче хороших установок.

– Это будет надежно?

– Вполне. К тому же все не так просто. Смотрите сами.

Я шагнул ближе к столу и увидел свой заказ. Отдельно лежала удлиненная рукоять для меча, рядом с ней находилась часть усиленного бронзовыми вставками посоха, внешне похожего на обычную трость. Также на столе находились четыре металлические пластины довольно интересной формы. Я вспомнил об этом виде метательного оружия, читая о неприятностях, которые возникли у магов при «знакомстве» с топорами северных варваров. Таскать с собой метательный топорик будет неудобно, так что решение напрашивалось само собой.

Это оружие я видел у своего корейского учителя, который собирал не только восточные клинки, но и западные. Эта конструкция называется хербатом, что в переводе с английского означает «летучая мышь». Вариант гнома мало чем отличался от того, что я видел раньше, – бронзовая пластина вылита в виде правильного католического креста, в котором три оконечности были остро заточенными, а четвертая заканчивалась плоским топориком. При такой форме можно было метнуть это оружие и так, чтобы досталось бездоспеш-

ному широким лезвием, и так, чтобы острое окончание противоположной перекладины пробило броню. Мало того, на занятиях с корейцем мне удалось узнать еще об одном преимуществе этого метательного оружия – при неудачном падении в кромку щита хербат не отлетал в сторону, а «перекатывался» через кромку и хоть так, но все же поражал цель.

– Острия и режущая кромка лезвия топорика сделаны из хорошей стали. Это очень интересное оружие. Я пробовал его метать и был, честно говоря, удивлен, – задумчиво сказал Гурдаг.

– Что у нас с древком? – спросил я, укладывая хербат обратно на стол.

– Не спешите, мастер-вой, – загадочно улыбнулся гном. Он шагнул ближе и продолжил свою речь шепотом. – В прошлый раз ты пытался выспросить меня о рунах.

После этих слов я напряженно замер, но при этом кивком подтвердив предположение мастера.

– На метательных пластинах двойной слой бронзы. Внутри я нанес известные мне руны.

– И как это работает? – так же шепотом спросил я.

– Защиту мага они, конечно, не пробьют, но влиять на такое оружие им будет чуточку труднее. Думаю, мне не нужно объяснять вою, что может значить крошечное преимущество в бою.

– Очень многое. Благодарю вас, мастер.

– Пустое, – отмахнулся гном и взялся за рукоять меча. –

Давайте клинок.

Передав гному свой учебный меч, я заворуженно наблюдал, как под короткими пальцами казавшаяся до этого прочной рукоять рассыпается, словно гнилая.

Части старой рукояти гном сложил на стол и тут же приладил к обнажившейся металлической основе новую. Затем он взял в руки часть посоха в виде трости.

– Вставляете вот это сюда и... – Гном соединил трость с рукоятью меча и чуть провернул. Раздался щелчок. – Пробуйте.

Взяв непривычного вида нагинату, я тут же провел пару движений из стандартного ката. Баланс был чуть непривычен, но это ерунда. Длина нового оружия была стандартной для короткой нагинаты – если упереть шарообразный набалдашник древка в землю, то кончик лезвия находился чуть выше моего плеча.

– Великолепно, мастер! – совершенно искренне высказался я.

– Пустое, – еще раз отмахнулся гном. – Чтобы вернуть все на место, нажмите на рычажок у лезвия и поверните обратно.

Проделав указанную операцию, я легко разделил короткую нагинату на меч и окованную металлом трость.

– Принимать прямые удары на древко не стоит, а вот скользящие можно.

– Примите мою благодарность, мастер.

– Пустое, – повторил гном и вздохнул.

– Есть ли хоть что-то, что я могу для вас сделать?

– Я раб, и у меня не может быть ничего своего.

– Дать вам свободу пока не в моих силах.

– Мне не нужна свобода, вой. Среди людей гному не выжить, а дома меня не примут. Благодарю за добрые слова, но лучше уходите.

– Я уйду, мастер-кузнец, но кое-что все же подарю.

Достав из поясного кошелья кисет, я передал его гному.

– Табак! – Оживившийся мастер молниеносно заправил трубку и затянулся ароматным дымом.

Сам я не курю, как и мой отец, – хищники плохо переносят резкие запахи, – но вполне способен понять, как важно качество табака для тех, кто подвержен этой привычке.

– Вот за такой подарок благодарствую. Хозяин, конечно, заставит отдать весь табак, но даже одна трубка уже очень хорошо.

– А если спрятать?

– «Наказ» вещь жесткая, – как-то равнодушно пожал плечами гном.

– Тогда давайте сделаем так: сейчас вы отвернетесь, а я спрячу табак по углам. Про «наказ» мне известно, поэтому торговец расфасовал табак мелкими порциями. Постепенно вы найдете все, а хозяину скажете, что не знаете, где я их спрятал, и это будет правдой.

Через пять минут я распихал десяток небольших кисетиков по грудам хлама в разных концах немаленького подвала,

а гном в это время дисциплинированно паялся на стену.

Поговорив еще минут двадцать на разные темы, мы расстались – я пошел рассчитываться с хозяином мастерской, а гном продолжал насыщать подземное пространство ароматным дымом.

Уже на середине ведущей наверх каменной станицы я был остановлен голосом гнома:

– Вой, свобода мне не нужна, но есть разница, у кого быть рабом.

– Я услышал вас, мастер-кузнец. Крепких рук.

– И вам крепких рук и каменной удачи, мастер-вой.

С оружейником у нас вышла небольшая заминка – он никак не хотел завершать сделку, не ознакомившись с товаром. Пришлось показывать ему диковинного вида метательные топорики и... щегольскую трость с набалдашником.

– У уважаемого воя проблемы с ногами? – ошарашенно поинтересовался оружейник.

– Нет, просто на моей родине это считается модным.

После того как необходимая сумма легла на прилавок оружейника, я отправился на выход, опираясь на толстую трость, как лондонский денди.

С горестным вздохом посчитав оставшиеся монеты, я все же заглянул в мастерскую, где ладят кожаную сбрую, и заказал набедренные ножны для хербатов. Затем, окончательно махнув рукой на свое финансовое благосостояние, купил пару простых метательных ножей.

Последствиями моего апгрейда стали две недели питания в школьной столовой, а все развлечения свелись к прогулкам по городу, зато освободившееся время и силы были направлены на тренировки.

Глава 3

Поводырь

Тяжелое дыхание и глухие звуки ударов отражались от деревянных стен фехтовального зала и пока что не были разбавлены руганью, но это ненадолго. Олан, осознав, что его атака провалилась, попробовал отскочить назад, но я ослабил пальцы, и нагината по инерции скользнула вперед. Как только в кисть ударил круглый набалдашник на торце древка, мои пальцы сжались и рука резко толкнула нагинату вперед. Зачехленное специальными ножнами острое кольнуло в щиток на груди Олана.

– Касание!

– Молчун! – с негодованием воскликнул мой товарищ. – Это нечестно, такой удар не пробьет брони!

– Я просто не хотел бить в шею.

– Вечно ты со своими хитростями и уловками!

Я уже давно уяснил некоторые недостатки местной школы фехтования – она отличалась консерватизмом, особенно в исполнении дворян. У них приветствовалась сила и ловкость, и уж никак не хитрость. Если честно, я вплетал в кружево боя доступные только удлиненному оружию финты не для того, чтобы позлить соперника, а чтобы выяснить, в какие моменты подобные сюрпризы дадут максимальный эф-

фект. С имеющимся опытом фехтования моя жизнь будет зависеть только от этих самых сюрпризов.

– Не злись, Олан. Если буду биться по правилам, то не выиграю ни одного поединка.

– Да ладно, – отмахнулся отходчивый парень. – Ты как, пойдешь сегодня гулять, а то вдруг решил заделаться монахом?

– Ну если учитывать, что половину моей стипендии нужно отдать тебе, то гулять мне не на что.

– Отдашь часть, а то мне скучно развлекаться одному, – как-то неопределенно сказал Олан, и я почувствовал подвох.

– А ну колись, что случилось?

– Ну тут... понимаешь, посылал цветы Ровене и получил в ответ записку.

– И... – подбодрил я вновь замявшегося товарища.

– И она пригласила нас к себе домой на ужин.

– Нас?

– Да, нас двоих.

– Двоих? – еще выше поднял я брови. Уже два месяца мне удавалось не вспоминать об этой девушке, и, казалось, чувства притупились. Ан нет, стоило лишь услышать ее имя, как в груди тут же полыхнуло жаром, сердце сбилось с ритма.

– Тут такое дело. Берислав решил посвататься к Ровене, и она его отшила.

– Офигеть, кричали гости.

– Что? – удивился Олан.

– Не обращай внимания. От нас-то ей что нужно?

– А есть какая-то разница?

– Большая, Олан. Во-первых, как, ты думаешь, на все это отреагирует Берислав?

– А тебе не все равно?

– Да плевать мне на Берислава и его обиды, он твой друг, а не мой. Но наживать себе врагов на пустом месте просто глупо. И во-вторых, тебя не насторожило, что она позвала нас обоих?

– Насторожило, но прийти без тебя я все равно не могу.

– Как насчет не ходить вообще?

Олан набычился, и я понял, что он не отступит.

– Ладно, пойдем вместе.

Немного настороженный странностью этого приглашения, я не особо переживал о своем внешнем виде и подарках, а вот Олан едва с ума не сошел, всю дорогу прихорашиваясь и выискивая изъяны в дорогушем букете.

Наконец-то издевательство над моими нервами закончилось, потому что мы постучались в дверь довольно богатого купеческого дома и Олан наконец-то перестал дергаться.

– О, уважаемые поводыри, – расплылся в любезной улыбке круглый, как колобок, купец. – Мы так рады вас видеть.

Интересно, а он-то с чего радуется? И второй вопрос – в кого пошла красотой Ровена?

Ужин протекал как-то не так – все были словно на иголках. Олан дергался от холодности Ровены, мне вообще не

правилась эта ситуация, а хозяева явно чего-то боялись. И только две миловидные служанки были веселы и беззаботны. Одна даже тайком подмигнула мне. Это моментально вывело Ровену из себя, и служанка со слезами выбежала из обеденного зала. А вот отец Ровены, без сомнения строгий родитель, даже ухом не повел.

Да что здесь, черт возьми, происходит!

Ситуация разрешилась на третьем часу застолья.

– Хозяин, – в столовой появилась одна из служанок, – к вам мистер Сидмон Мак Таранис.

От этих слов меня буквально передернуло, а лицо свело судорогой ненависти. Все дело в том, что словом «мистер» в этом мире величают учеников мага. Полноценного мага называли магистром, а наставников магических школ грандмагистрами.

Взглянув на лицо отца Ровены, я понял, что план, ради которого он заманил нас в свой дом, только что разлетелся на осколки. Он явно не рассчитывал на открытую конфронтацию между поводырем и магом в своем доме.

А чего он ожидал?

Когда юный мистер явился в комнату, все окончательно встало на свои места. Похоже, парень решил, что раз девушка отказала одному, то явно ждет предложения от другого. И этот другой, конечно, он.

Ровена заигралась с флиртом, но почему рассчитывать за все это придется мне и Олану? Также мне было очень ин-

тересно, сколько еще таких охмуренных, как этот магеныш?

Сверкающая поверх букета цветов улыбка юноши моментально угасла.

– Ровена, а кто эти люди? – Он спросил явно не то, что собирался.

– Это друзья моей дочери, такие же, как и вы, – ответил за девушку торговец. – Прошу вас, присоединяйтесь к нам.

Торговец вновь «потек» радушием, хорошо скрывая под ним страх. Ровена точно является его дочерью – целая семейка лицедеев.

Понятно, что магеныш не собирался разделять с нами трапезу. Он побледнел и, молча уронив букет на стол, вышел из комнаты.

План торговца просматривался вполне явно – кто-то предупредил Ровену о том, что маг собирается с предложением. Отец не хотел этого брака, но просто отказать магу боялся, поэтому использовал громоотводы. То есть двух дураков-курсантов.

– Если позволите, я оставлю вас на несколько минут, – пробормотал торговец и выскользнул из-за стола.

Минут десять мы все молчали, уставившись в свои тарелки, а затем я не выдержал:

– Ровена, кого из нас двоих ты любишь?

– Владислав, я не могу так сразу ответить, – замялась девушка и попыталась поймать мой взгляд.

– Это очень простой вопрос, и ответ на него тоже очень

простой. Ты любишь меня?

Ровена не ответила, но и ее молчание много значило.

– А Олана?

– Молчун, – возмутился мой друг.

– Заткнись, – отрезал я, и Олан замолчал, понимая, что сам втянул меня в неприятную ситуацию. Мне хотелось бы верить, что моя злость была вызвана негодованием на глупость друга, но, увы, это была элементарная ревность.

– Вижу, что нет, – продолжил я сверлить взглядом Ровену. – Тогда какого черта ты устроила этот цирк?

– Вой Владислав, вы непозволительно грубы. – Ровена добавила в свой взгляд льда с ноткой обиды, но обуреваемым ревностью человеком, причем любого пола, манипулировать очень сложно.

– Я честен, в отличие от некоторых. Прощайте, Ровена, надеюсь, мы с вами больше не увидимся.

Когда я покинул дом торговца, мне пришлось еще немного подождать Олана, который наверняка рассыпался в извинениях, – что поделаешь, дворянское воспитание. В принципе мой отец не учил меня грубить женщинам, да и сам я не был склонен к такому поведению, просто Ровена довела меня до белого каления.

– Молчун, зачем ты так? – упрекнул меня товарищ, наконец-то появившись на пороге. – Ну помогли мы бедной девушке, и что с того? Все ведь хорошо закончилось.

– Ох, Олан, иногда ты такой наивный. Еще ничего не за-

кончилось, — вздохнув, сказал я — и как в воду глядел. Не успели мы дойти до первого перекрестка на освещенной масляными фонарями улице, как из теней материализовались три фигуры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.